

Оскар Уайльд. Как важно быть серьезным

Dorian-Gray.ru- Портрет Дориана Грея - книга, фильм, цитаты!

Уважаемый читатель!

Данный файл представлен исключительно в ознакомительных целях.

Все тексты взяты из открытых электронных источников и выложены на сайте для не коммерческого использования!

Если вы скопируете данный файл, Вы должны незамедлительно удалить его сразу после ознакомления с содержанием.

Копируя и сохраняя его, Вы принимаете на себя всю ответственность, согласно действующему международному законодательству.

Все авторские права на данный файл сохраняются за правообладателем.

Любое коммерческое и иное использование, кроме предварительного ознакомления запрещено.

Публикация данного документа не преследует никакой коммерческой выгоды.

Легкомысленная комедия для серьезных людей

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джон Уординг, землевладелец, почетный мировой судья.

Алджернон Монкриф.

Его преподобие каноник Чезюбл, доктор богословия.

Мерримен, дворецкий.

Лэйн, лакей Монкрифа.

Леди Брэкнелл.

Гвендолен Ферфакс, ее дочь.

Сесили Кардью.

Мисс Призм, ее гувернантка.

Место действия:

Действие первое - квартира Алджернона Монкрифа на Хаф-Мун-стрит, Вест-Энд.

Действие второе - сад в поместье м-ра Уординга, Вултон.

Действие третье - гостиная в поместье м-ра Уординга. Вултон.

Время действия - наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в квартире Алджернона на Хаф-Мун-стрит. Комната обставлена роскошно и со вкусом. Из соседней комнаты слышатся звуки фортепьяно. Лэйн накрывает стая к чаю. Музы-ка умолкает, и входит Алджернон.

Алджернон. Вы слышали, что я играл, Лэйн?

Лэйн. Я считаю невежливым подслушивать, сэр.

Алджернон. Очень жаль. Конечно, вас жаль, Лэйн. Я играю не очень точно - точность доступна всякому, - но я играю с удивительной экспрессией. И поскольку дело касается фортепьяно - чувство, вот в чем моя сила. Научную точность я приберегаю для жизни.

Лэйн. Да, сэр.

Алджернон. А уж если говорить о науке жизни, Лэйн, вы приготовили сэндвичи с огурцом для леди Брэкнелл?

Лэйн. Да, сэр. (Протягивает блюдо с сэндвичами.)

Алджернон (осматривает их, берет два и садится на диван). Да... кстати, Лэйн, я вижу по вашим записям, что в четверг, когда у меня обедали лорд Шормэн и мистер Уординг, в счет поставлено восемь бутылок шампанского.

Лэйн. Да, сэр; восемь бутылок и пинта пива.

Алджернон. Почему это у холостяков шампанское, как правило, выпивают лакеи? Это я просто для сведения.

Лэйн. Отношу это за счет высокого качества вина, сэр. Я часто отмечал, что в семейных домах шампанское редко бывает хороших марок.

Алджернон. Боже мой, Лэйн! Неужели семейная жизнь так развращает нравы?

Лэйн. Возможно, в семейной жизни много приятного, сэр. Правда, в этом отношении у меня самого опыт небольшой. Я был женат только один раз. И то в результате недоразумения, возникшего между мной и одной молодой особой.

Алджернон (томно). Право же, ваша семейная жизнь меня не очень интересует, Лэйн.

Лэйн. Конечно, сэр, это не очень интересно. Я и сам об этом никогда не вспоминаю.

Алджернон. Вполне естественно! Можете идти, Лэйн, благодарю вас.

Лэйн. Благодарю вас, сэр.

Лэйн уходит.

Алджернон. Взгляды Лэйна на семейную жизнь не слишком-то нравственны. Ну, а если низшие сословия не будут подавать нам пример, какая от них польза? У них, по-видимому, нет никакого чувства моральной ответственности.

Входит Лэйн.

Лэйн. Мистер Эрнест Уординг.

Входит Джек. Лэйн уходит.

Алджернон. Как дела, дорогой Эрнест? Что привело тебя в город?

Джек. Развлечения, развлечения! А что же еще? Как всегда, жуешь, Алджи?

Алджернон (сухо). Насколько мне известно, в хорошем обществе в пять часов принято слегка подкрепляться. Где ты пропадал с самого четверга?

Джек (располагается на диване). За городом.

Алджернон. А что ты делал за городом?

Джек (снимая перчатки). В городе - развлекаешься сам. За городом развлекаешь других. Такая скука!

Алджернон. А кого именно ты развлекаешь?

Джек (небрежно). А! Соседей, соседей.

Алджернон. И симпатичные у вас там соседи, в Шропшире?

Джек. Невыносимые. Я никогда с ними не разговариваю.

Алджернон. Да, этим ты им, конечно, доставляешь большое развлечение. (Подходит к столу и берет сэндвич.) Кстати, я не ошибся, это действительно

Шропшир?

Джек. Что? Шропшир? Да, конечно. Но послушай. Почему этот сервис? Почему сэндвичи с огурцами? К чему такая расточительность у столь молодого человека? Кого ты ждешь к чаю?

Алджернон. Никого, кроме тети Августы и Гвендолен.

Джек. Отлично!

Алджернон. Да, все это очень хорошо, но боюсь, тетя Августа не очень-то одобрит твое присутствие.

Джек. А собственно, почему?

Алджернон. Милый Джек, твоя манера флиртовать с Гвендолен совершенно неприлична. Не меньше чем манера Гвендолен флиртовать с тобой.

Джек. Я люблю Гвендолен. Я и в город вернулся, чтобы сделать ей предложение.

Алджернон. Ты же говорил - чтобы развлечься... А ведь это дело.

Джек. В тебе нет ни капли романтики.

Алджернон. Не нахожу никакой романтики в предложении. Быть влюбленным - это действительно романтично. Но предложить руку и сердце? Предложение могут принять. Да обычно и принимают. Тогда прощай все очарование. Суть романтики в неопределенности. Если мне суждено жениться, я, конечно, постараюсь позабыть, что я женат.

Джек. Ну, в этом я не сомневаюсь, дружище. Бракоразводный суд был создан специально для людей с плохой памятью.

Алджернон. А! Что толку рассуждать о разводах. Разводы совершаются на небесах.

Джек протягивает руку за сэндвичем.

Алджернон (тотчас же одергивает его.) Пожалуйста, не трогай сэндвичей с огурцом. Они специально для тети Августы. (Берет сэндвичи и ест.)

Джек. Но ты же все время их ешь.

Алджернон. Это совсем другое дело. Она моя тетка. (Достает другое блюдо.) Вот хлеб с маслом. Он для Гвендолен. Гвендолен обожает хлеб с маслом.

Джек (придвигаясь к столу и берясь за хлеб с маслом). А хлеб действительно очень вкусный.

Алджернон. Но только, дружище, не вздумай уплести все без остатка. Ты ведешь себя так, словно Гвендолен уже твоя жена. А она еще не твоя жена, да и вряд ли будет.

Джек. Почему ты так думаешь?

Алджернон. Видишь ли, девушки никогда не выходят замуж за тех, с кем флиртуют. Они считают, что это не принято.

Джек. Какая чушь!

Алджернон. Вовсе нет. Истинная правда. И в этом разгадка, почему всюду столько холостяков. А кроме того, я не дам разрешения.

Джек. Ты не дашь разрешения?!

Алджернон. Милый Джек, Гвендолен - моя кузина. И я разрешу тебе жениться на ней, только когда ты объяснишь мне, в каких ты отношениях с Сесили. (Звонит.)

Джек. Сесили! О чем ты говоришь? Какая Сесили? Я не знаю никакой Сесили.

Входит Лэйн.

Алджернон. Лэйн, принесите портсигар, который мистер Уординг забыл у нас в курительной, когда обедал на той неделе.

Лэйн. Слушаю, сэр. (Уходит.)

Джек. Значит, мой портсигар все время был у тебя? Но почему же ты меня

не известил об этом? А я-то бомбардирую Скотленд-Ярд запросами. Я уже готов был предложить большую награду тому, кто найдет его.

Алджернон, Ну что же, вот и выплати ее мне. Деньги мне сейчас нужны до зарезу.

Джек. Какой смысл предлагать награду за уже найденную вещь?

Лэйн вносит портсигар на подносе. Алджернон сразу берет его. Лэйн уходит.

Алджернон. Не очень-то благородно с твоей стороны, Эрнест. (Раскрывает портсигар и разглядывает его.) Но, судя по надписи, это вовсе и не твой портсигар.

Джек. Разумеется, мой. (Протягивает руку.) Ты сотни раз видел его у меня в руках и, во всяком случае, не должен читать, что там написано. Джентльмену не следует читать надписи в чужом портсигаре.

Алджернон. Всякие правила насчет того, что следует и чего не следует читать, просто нелепы. Современная культура более чем наполовину зиждется на том, чего не следует читать.

Джек. Пусть будет по-твоему. Я вовсе не собираюсь дискутировать о современной культуре. Это не предмет для частной беседы. Я просто хочу получить свой портсигар.

Алджернон. Да, но портсигар вовсе не твой. Это подарок некоей Сесили, а ты сказал "что не знаешь никакой Сесили."

Джек. Ну, если хочешь знать, у меня есть тетка, которую зовут Сесили.

Алджернон. Тетка!

Джек. Да. Чудесная старушка. Живет в Тэнбридж-Уэллс. Ну, давай сюда портсигар, Алджернон.

Алджернон (отступая за диван). Но почему она называет себя маленькой Сесили, если она твоя тетка и живет в Тэнбридж-Уэллс? (Читает.) "От маленькой Сесили. В знак нежной любви..."

Джек (подступая к дивану и упираясь в него коленом). Ну что в этом непонятного? Есть тетки большие, есть тетки маленькие. Уж это, кажется, можно предоставить на усмотрение самой тетки. Ты думаешь, что все тетки непременно похожи на твою? Какая ерунда! А теперь отдай мой портсигар! (Преследует Алджернона.)

Алджернон. Так. Но почему это твоя тетка зовет тебя дядей? "От маленькой Сесили. В знак нежной любви дорогому дяде Джеку". Допустим, тетушка может быть маленькой, но почему тетушке, независимо от ее размера и роста, называть собственного племянника дядей, этого я в толк не возьму. А кроме того, тебя зовут вовсе не Джек, а Эрнест.

Джек. Вот не Эрнест, а Джек.

Алджернон. А ведь ты всегда говорил мне, что тебя зовут Эрнест! Я представлял тебя всем как Эрнеста. Ты отзывался на имя Эрнест. Ты серьезен, как настоящий Эрнест. Никому на свете так не подходит имя Эрнест. Что за нелепость отказываться от такого имени! Наконец, оно стоит на твоих визитных карточках. Вот. (Берет визитную карточку из портсигара.) "Мистер Эрнест Уординг, Б-4, Олбени". Я сохраню это как доказательство, что твое имя Эрнест, на случай если ты вздумаешь отпираться при мне, при Гвендолен или при ком угодно. (Кладет визитную карточку у карман.)

Джек. Ну что ж, в городе меня зовут Эрнест, в деревне - Джек, а портсигар мне подарили в деревне.

Алджернон. И все-таки это не объяснение, почему твоя маленькая тетушка Сесили из Гэнбридж-Уэллс называет тебя дорогим дядей Джеком. Полно, дружище, лучше уж выкладывай все сразу.

Джек. Дорогой Алджи, ты уговариваешь меня точь-в-точь как дантист. Что может быть пошлее, чем говорить так, не будучи дантистом. Это вводит в заблуждение.

Алджернон. А дантисты именно это и делают. Ну, не упрямясь, расскажи все как есть. Признаюсь, я всегда подозревал в тебе тайного и ревностного бенбериста и теперь окончательно убедился в этом.

Джек. Бенберист? А что это значит?

Алджернон. Я тебе тотчас же объясню, что значит этот незаменимый термин, как только ты объяснишь мне, почему ты Эрнест в городе и Джек в деревне.

Джек. Отдай сначала портсигар.

Алджернон. Изволь. (Передает ему портсигар.) А теперь объясняй, только постарайся как можно неправдоподобнее. (Садится на диван.)

Джек. Дорогой мой, здесь нет ничего неправдоподобного. Все очень просто. Покойный мистер Томас Кардью, который усыновил меня, когда я был совсем маленьким, в своем завещании назначил меня опекуном своей внучки мисс Сесили Кардью. Сесили называет меня дядей из чувства уважения, которое ты, видимо, не способен оценить, и живет в моем загородном доме под надзором почтенной гувернантки мисс Призм.

Алджернон. А между прочим, где этот твой загородный дом?

Джек. Тебе это не к чему знать, мой милый. Не надейся на приглашение... Во всяком случае, могу сказать, что это не в Шропшире.

Алджернон. Я так и думал, мой милый. Я два раза бенберировал по всему Шропширу. Но все-таки, почему же ты Эрнест в городе и Джек в деревне?

Джек. Дорогой Алджи, я надеюсь, что ты дойдешь истинные причины. Ты для этого недостаточно серьезен. Когда вдруг оказываешься опекуном, приходится рассуждать обо всем в высоконравственном духе. Это становится твоим долгом. А так как высоконравственный дух отнюдь не способствует ни здоровью, ни благополучию, то, чтобы вырваться в город, я всегда говорю, что еду к своему младшему брату Эрнесту, который живет в Олбени и то и дело попадает в страшные передряги. Вот, мой дорогой Алджи, вся правда, и притом чистая правда.

Алджернон. Вся правда редко бывает чистой. Иначе современная жизнь была бы невыносимо скучна. А современная литература и вообще не могла бы существовать.

Джек. И мы ничего бы от этого не потеряли.

Алджернон. Литературная критика вовсе не твое призвание, дружище. Не становись на этот путь. Предоставь это тем, кто не обучался в университете. Они с таким успехом занимаются этим в газетах. По натуре ты прирожденный бенберист. Я имел все основания называть тебя так. Ты один из самых законченных бенберистов на свете.

Джек. Объясни, бога ради, что ты хочешь сказать.

Алджернон. Ты выдумал очень полезного младшего брата по имени Эрнест, для того чтобы иметь повод навещать его в городе, когда тебе вздумается. Я выдумал неопределимого вечно больного мистера Бенбери, для того чтобы навещать его в деревне, когда мне вздумается. Мистер Бенбери - это суцая находка. Если бы не его слабое здоровье, я не мог бы, например, сегодня пообедать с тобой у Виллиса, так как тетя Августа пригласила меня на сегодня еще неделю назад.

Джек. Да я и не приглашал тебя обедать.

Алджернон. Ну еще бы, ты удивительно забывчив. И напрасно. Нет ничего хуже, как не получать приглашений.

Джек. Ты бы лучше отобедал у твоей тети Августы.

Алджернон. Не имею ни малейшего желания. Начать с того, что я обедал у нее в понедельник, а обедать с родственниками достаточно и один раз в неделю. А кроме того, когда я там обедаю, со мной обращаются как с родственником, и я оказываюсь то вовсе без дамы, то сразу с двумя. И, наконец, я прекрасно знаю, с кем меня собираются посадить сегодня. Сегодня меня посадят с Мэри Фаркэр, а она все время флиртует через стол с собственным мужем. Это очень неприятно. Я сказал бы - даже неприлично. А

это, между прочим, входит в моду. Просто безобразие, сколько женщин в Лондоне флиртует с собственными мужьями. Это очень противно. Все равно что на людях стирать чистое белье. Кроме того, теперь, когда я убедился, что ты заядлый бенберист, я, естественно, хочу с тобой поговорить об этом. Изложить тебе все правила?

Джек. Да никакой я не бенберист. Если Гвендолен согласится, я тут же прикончу своего братца; впрочем, я покончу с ним в любом случае. Сесили что-то слишком заинтересована им. Это несносно. Так что от Эрнеста я отделаюсь. И тебе я искренне советую сделать то же с мистером... ну с твоим больным другом, забыл, как его там.

Алджернон. Ничто не заставит меня расстаться с мистером Бенбери, и если ты когда-нибудь женишься, что представляется мне маловероятным, то советую и тебе познакомиться с мистером Бенбери. Женатый человек, если он не знаком с мистером Бенбери, готовит себе очень скучную жизнь.

Джек. Глупости. Если я женюсь на такой очаровательной девушке, как Гвендолен, а она единственная девушка, на которой я хотел бы жениться, то поверь, я и знать не захочу твоего мистера Бенбери.

Алджернон. Тогда твоя жена захочет. Ты, должно быть, не отдаешь себе отчета в том, что в семейной жизни вдвоем весело, а вдвоем скучно.

Джек (назидательно). Мой дорогой Алджи! Безнравственная французская драма насаждает эту теорию уже полвека.

Алджернон. Да, и счастливая английская семья усвоила ее за четверть века.

Джек. Ради бога, не старайся быть циником. Это так легко.

Алджернон. Ничто не легко в наши дни, мой друг. Во всем такая жестокая конкуренция. (Слышен продолжительный звонок.) Вот, должно быть, тетя Августа. Только родственники и кредиторы звонят так по-вагнеровски. Так вот, если я займу ее на десять минут, чтобы тебе на свободе сделать предложение Гвендолен, могу я рассчитывать сегодня на обед у Виллиса?

Джек. Если так - конечно.

Алджернон. Но только без твоих шуточек. Ненавижу, когда несерьезно относятся к еде. Это неосновательные люди, и притом пошлые.

Входит Лэйн.

Лэйн. Леди Брэкнелл и мисс Ферфакс.

Алджернон идет встречать их. Входят леди Брэкнелл и Гвендолен.

Леди Брэкнелл. Здравствуй, мой милый Алджернон. Надеюсь, ты хорошо себя ведешь?

Алджернон. Я хорошо себя чувствую, тетя Августа.

Леди Брэкнелл. Это вовсе не то же самое. Более того, это редко совпадает... (Замечает Джека и весьма холодно кивает ему.)

Алджернон (к Гвендолен). Черт возьми, как ты элегантна. Не правда ли, мистер Уординг?

Джек. Вы просто совершенство, мисс Ферфакс.

Гвендолен. О! Надеюсь, что нет. Это лишило бы меня возможности совершенствоваться, а я намерена совершенствоваться во многих отношениях.

Гвендолен и Джек усаживаются в уголке.

Леди Брэкнелл. Извини, что мы запоздали, Алджернон, но мне надо было навестить милую леди Харберн. Я не была у нее с тех пор, как умер бедный ее муж. И я никогда не видела, чтобы женщина так изменилась. Она выглядит на двадцать лет моложе. А теперь я бы выпила чашку чаю и отведала твоих знаменитых сэндвичей с огурцом.

Алджернон. Ну разумеется, тетя Августа. (Идет к столику.)

Леди Брэкнелл. Иди к нам, Гвендолен.

Гвендолен. Но, мама, мне и тут хорошо.

Алджернон. (при виде пустого блюда). Силы небесные! Лэйн! Где же сэндвичи с огурцом? Я ведь их специально заказывал!

Лэйн (невозмутимо). Сегодня на рынке не было огурцов, сэр. Я два раза ходил.

Алджернон. Не было огурцов?

Лэйн. Нет, сэр. Даже за наличные.

Алджернон. Хорошо, Лэйн, благодарю вас.

Лэйн. Благодарю вас, сэр. (Уходит.)

Алджернон. К моему величайшему сожалению, тетя Августа, огурцов не оказалось, даже за наличные.

Леди Брэкнелл. Ну, ничего, Алджернон. Леди Харбери угостила меня пышками. Она, по-видимому, сейчас ни в чем себе не отказывает.

Алджернон. Я слышал, что волосы у нее стали совсем золотые от горя.

Леди Брэкнелл. Да, цвет волос у нее изменился, хотя, право, не скажу, отчего именно.

Алджернон подает ей чашку чаю.

Леди Брэкнелл. Спасибо, мой милый. А у меня для тебя сюрприз. За обедом я хочу посадить тебя с Мэри Фаркэр. Такая прелестная женщина и так внимательна к своему мужу. Приятно смотреть на них.

Алджернон. Боюсь, тетя Августа, что я вынужден буду пожертвовать удовольствием обедать у вас сегодня.

Леди Брэкнелл (хмурясь): Надеюсь, ты передумаешь, Алджернон. Это расстроит мне весь стол. Ведь твоему дядюшке придется обедать у себя. К счастью, он уже к этому привык.

Алджернон. Мне очень досадно, и, конечно, я очень огорчен, но я только что получил телеграмму с известием, что мой бедный друг Бенбери снова опасно болея. (Переглянувшись с Джеком.) Там все ждут моего приезда.

Леди Брэкнелл. Странно. Этот твой мистер Бенбери, как видно, очень слаб здоровьем.

Алджернон. Да, бедный мистер Бенбери совсем инвалид.

Леди Брэкнелл. Я должна сказать тебе, Алджернон, что, по-моему, мистеру Бенбери пора уже решить, жить ему или умирать. Колебаться в таком важном вопросе просто глупо. Я по крайней мере не увлекаюсь современной модой на инвалидов. Я считаю ее нездоровой. Поощрять болезни едва ли следует. Быть здоровым - это наш первейший долг. Я не устаю повторять это твоему бедному дяде, но он не обращает на мои слова никакого внимания... по крайней мере, судя по состоянию его здоровья. Ты меня очень обяжешь, если от моего имени попросишь мистера Бенбери поправиться к субботе, потому что я рассчитываю на твою помощь в составлении музыкальной программы. У меня это последний вечер в сезоне, и надо же дать какие-то темы для разговора, особенно в конце сезона, когда все уже выговорилось, сказали все, что у них было за душой, а ведь чаще всего запас этот очень невелик.

Алджернон. Я передам ваше пожелание мистеру Бенбери, тетя Августа, если только он еще в сознании, и ручаюсь вам, что он постарается поправиться к субботе. Конечно, с музыкой много трудностей. Если музыка хорошая - ее никто не слушает, а если плохая - невозможно вести разговор. Но я покажу вам программу, которую я наметил. Пройдемте в кабинет.

Леди Брэкнелл. Спасибо, Алджернон, что помнишь свою тетку. (Встает и идет за Алджерноном.) Я уверена, что программа будет прелестная, если ее слегка почистить. Французских шансонеток я не допущу. Гости всегда либо находят их неприличными и возмущаются, и это такое мешанство, либо смеются, а это еще хуже. Я пришла к убеждению, что немецкий язык звучит

гораздо приличнее. Гвендолен, идем со мной.

Гвендолен. Иду, мама.

Леди Брэкнелл и Алджернон выходят. Гвендолен остается на месте.

Джек. Не правда ли, сегодня чудесная погода, мисс Ферфакс.

Гвендолен. Пожалуйста, не говорите со мной о погоде, мистер Уординг. Каждый раз, когда мужчины говорят со мной о погоде, я знаю, что на уме у них совсем другое. И это действует мне на нервы.

Джек. Я хочу сказать о другом.

Гвендолен. Ну вот видите. Я никогда не ошибаюсь.

Джек. И мне хотелось бы воспользоваться отсутствием леди Брэкнелл, чтобы...

Гвендолен. И я бы вам это посоветовала. У мамы есть привычка неожиданно появляться в комнате. Об этом мне уже приходилось ей говорить.

Джек (нервно). Мисс Ферфакс, с той самой минуты, как я вас увидел, я восторгался вами больше, чем всякой другой девушкой... какую я встречал... с тех пор как я встретил вас.

Гвендолен. Я это прекрасно знаю. Жаль только, что хотя бы на людях вы не показываете этого более явно. Мне вы всегда очень нравились. Даже до того, как мы с вами встретились, я была к вам равнодушна.

Джек смотрит на нее с изумлением.

Гвендолен. Мы, живем, как вы, надеюсь, знаете, мистер Уординг, в век идеалов. Это постоянно утверждают самые фешенебельные журналы, и, насколько я могу судить, это стало темой проповедей в самых захолустных церквях. Так вот, моей мечтой всегда было полюбить человека, которого зовут Эрнест. В этом имени есть нечто внушающее абсолютное доверие. Как только Алджернон сказал мне, что у него есть друг Эрнест, я сейчас же поняла, что мне суждено полюбить вас.

Джек. И вы действительно любите меня, Гвендолен?

Гвендолен. Страстно!

Джек. Милая! Вы не знаете, какое это для меня счастье.

Гвендолен. Мой Эрнест!

Джек. А скажите, вы действительно не смогли бы полюбить меня, если бы меня звали не Эрнест?

Гвендолен. Но вас ведь зовут Эрнест.

Джек. Да, конечно. Но если бы меня звали как-нибудь иначе? Неужели вы меня не полюбили бы?

Гвендолен (не задумываясь). Ну, это ведь только метафизическое рассуждение, и, как прочие метафизические рассуждения, оно не имеет ровно никакой связи с реальной жизнью, такой, какой мы ее знаем.

Джек. Сказать по правде, мне совсем не нравится имя Эрнест... По-моему, оно мне вовсе не подходит.

Гвендолен. Оно подходит вам больше, чем кому-либо. Чудесное имя. В нем есть какая-то музыка. Оно вызывает вибрации.

Джек. Но, право же, Гвендолен, по-моему, есть много имей гораздо лучше. Джек, например, - прекрасное Имя.

Гвендолен. Джек? Нет, оно вовсе не музыкально. Джек - нет, это не волнует, не вызывает никаких вибраций... Я знала нескольких Джеков, и все они были один другого ординарнее. А кроме того, Джек - ведь это уменьшительное от Джон. И мне искренне жаль всякую женщину, которая вышла бы замуж за человека по имени Джон. Она, вероятно, никогда не испытает упоительного наслаждения - побыть хоть минутку одной. Нет, единственное надежное имя - это Эрнест.

Джек. Гвендолен, мне необходимо сейчас же креститься... то есть я хотел

сказать - жениться. Нельзя терять ни минуты.

Гвендолен. Жениться, мистер Уординг?

Джек (в изумлении). Ну да... конечно. Я люблю вас, и вы дали мне основание думать, мисс Ферфакс, что вы не совсем равнодушны ко мне.

Гвендолен. Я обожаю вас. Но вы еще не делали мне предложения. О женитьбе не было ни слова. Этот вопрос Даже не поднимался.

Джек. Но... но вы разрешите сделать вам предложение?

Гвендолен. Я думаю, сейчас для этого самый подходящий случай. И чтобы избавить вас от возможного разочарования, мистер Уординг, я должна вам заявить с полной искренностью, что я твердо решила ответить вам согласием.

Джек. Гвендолен!

Гвендолен. Да, мистер Уординг, так что же вы хотите мне сказать?

Джек. Вы же знаете все, что я могу вам сказать.

Гвендолен. Да, но вы не говорите.

Джек. Гвендолен, вы согласны стать моей женой? (Становится на колени.)

Гвендолен. Конечно, согласна, милый. Как долго вы собирались! Я думаю, вам не часто приходилось делать предложение.

Джек. Но, дорогая, я никого на свете не любил, кроме вас.

Гвендолен. Да, но мужчины часто делают предложение просто для практики. Вот, например, мой брат Джеральд. Все мои подруги говорят мне это. Какие у вас чудесные голубые глаза, Эрнест. Совершенно, совершенно голубые. Надеюсь, вы всегда будете смотреть на меня вот так, особенно при людях.

Входит леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Мистер Уординг! Встаньте! Что за полусогбенное положение! Это в высшей степени неприлично!

Гвендолен. Мама!

Джек пытается встать. Она его удерживает.

Гвендолен. Пожалуйста, обождите в той комнате. Вам здесь нечего делать. Кроме того, мистер Уординг еще не кончил.

Леди Брэкнелл. Чего не кончил, осмелюсь спросить?

Гвендолен. Я помолвлена с мистером Уордингом, мама.

Они встают оба.

Леди Брэкнелл. Извини, пожалуйста, но ты еще ни с кем не помолвлена. Когда придет время, я или твой отец, если только здоровье ему позволит, сообщим тебе о твоей помолвке. Помолвка для молодой девушки должна быть неожиданностью, приятной или неприятной - это уже другой вопрос. И нельзя позволять молодой девушке решать такие вещи самостоятельно... Теперь, мистер Уординг, я хочу задать вам несколько вопросов. А ты, Гвендолен, подождешь меня внизу в карете.

Гвендолен (с упреком). Мама!

Леди Брэкнелл. В карету, Гвендолен!

Гвендолен идет к двери. На пороге они с Джеком обмениваются воздушным поцелуем за спиной у леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. (Озирается в недоумении, словно не понимая, что это за звук. Потом оборачивается.) В карету!

Гвендолен. Да, мама. (Уходит, оглядываясь на Джека.)

Леди Брэкнелл (усаживаясь.) Вы можете сесть, мистер Уординг. (Роется в кармане, ища записную книжечку и карандаш.)

Джек. Благодарю вас, леди Брэкнелл, я лучше постою.

Леди Брэкнелл (вооружившись книжкой и карандашом). Вынуждена отметить: вы не значите в моем списке женихов, хотя он в точности совпадает со списком герцогини Болтон. Мы с ней в этом смысле работаем вместе. Однако я готова внести вас в список, если ваши ответы будут соответствовать требованиям заботливой матери. Вы курите?

Джек. Должен признаться, курю.

Леди Брэкнелл. Рада слышать. Каждому мужчине нужно какое-нибудь занятие. И так уж в Лондоне слишком много бездельников. Сколько вам лет?

Джек. Двадцать девять.

Леди Брэкнелл. Самый подходящий возраст для женитьбы. Я всегда придерживалась того мнения, что мужчина, желающий вступить в брак, должен знать все или ничего. Что вы знаете?

Джек (после некоторого колебания). Ничего, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Рада слышать это. Я не одобряю всего, что нарушает естественное неведение. Неведение подобно нежному экзотическому цветку: дотроньтесь до него, и он завянет. Все теории современного образования в корне порочны. К счастью, по крайней мере у нас, в Англии, образование не оставляет никаких следов. Иначе оно было бы чрезвычайно опасно для высших классов и, быть может, привело бы к террористическим актам на Гровенор-сквер. Ваш доход?

Джек. От семи до восьми тысяч в год.

Леди Брэкнелл (делая пометки в книжке). В акциях или в земельной ренте?

Джек. Главным образом в акциях.

Леди Брэкнелл. Это лучше. Всю жизнь платишь налоги, и после смерти с тебя их берут, а в результате земля не дает ни дохода, ни удовольствия. Правда, она дает положение в обществе, но не дает возможности пользоваться им. Такова моя точка зрения на землю.

Джек. У меня есть загородный дом, ну, и при нем земля - около полутора тысяч акров; но не это основной источник моего дохода. Мне кажется, что пользу из моего поместья извлекают только браконьеры.

Леди Брэкнелл. Загородный дом! А сколько в нем спален? Впрочем, это мы выясним позднее. Надеюсь, у вас есть дом и в городе? Такая простая, неиспорченная девушка, как Гвендолен, не может жить в деревне.

Джек. У меня дом на Белгрэйв-сквер, но его из года в год арендует леди Блоксэм. Конечно, я могу отказать ей, предупредив за полгода.

Леди Брэкнелл. Леди Блоксэм? Я такой не знаю.

Джек. Она редко выезжает. Она уже довольно пожилая.

Леди Брэкнелл. Ну, в наше время это едва ли может служить гарантией порядочного поведения. А какой номер на Белгрэйв-сквер?

Джек. Сто сорок девять.

Леди Брэкнелл (покачивая головой). Не модная сторона. Так я и знала, что не обойдется без дефекта. Но это легко изменить.

Джек. Что именно - моду или сторону?

Леди Брэкнелл (строго). Если понадобится - и то и другое. А каковы ваши политические взгляды?

Джек. Признаться, у меня их нет. Я либерал-юнионист.

Леди Брэкнелл. Ну, их можно считать консерваторами. Их даже приглашают на обеды. Во всяком случае на вечера. А теперь перейдем к менее существенному. Родители ваши живы?

Джек. Нет. Я потерял обоих родителей.

Леди Брэкнелл. Потерю одного из родителей еще можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих, мистер Уординг, похоже на небрежность. Кто был ваш отец? Видимо, он был человек состоятельный. Был ли он, как выражаются радикалы, представителем крупной буржуазии или же происходил из аристократической семьи?

Джек. Боюсь, не смогу ответить вам на этот вопрос. Дело в том, леди Брэкнелл, что я неточно выразился, сказав, что я потерял родителей. Вернее

было бы сказать, что родители меня потеряли... По правде говоря, я не знаю своего происхождения. Я... найденыш.

Леди Брэкнелл. Найденыш!

Джек. Покойный мистер Томас Кардью, весьма добросердечный и щедрый старик, нашел меня и дал мне фамилию Уординг, потому что у него в кармане был тогда билет первого класса до Уординга. Уординг, как вы знаете, морской курорт в Сассексе.

Леди Брэкнелл. И где же этот добросердечный джентльмен с билетом первого класса до Уординга нашел вас?

Джек (серьезно). В саквояже.

Леди Брэкнелл. В саквояже?

Джек (очень серьезно). Да, леди Брэкнелл. Я был найден в саквояже - довольно большом черном кожаном саквояже с прочными ручками, - короче говоря, в самом обыкновенном саквояже.

Леди Брэкнелл. И где именно этот мистер Дžeme или Томас Кардью нашел этот самый обыкновенный саквояж?

Джек. В камере хранения на вокзале Виктория. Ему выдали этот саквояж по ошибке вместо его собственного.

Леди Брэкнелл. В камере хранения на вокзале Виктория?

Джек. Да, на Брайтонской платформе.

Леди Брэкнелл. Платформа не имеет значения. Мистер Уординг, должна вам признаться, я несколько смущена тем, что вы мне сообщили. Родиться или пусть даже воспитываться в саквояже, независимо от того, какие у него ручки, представляется мне забвением всех правил приличия. Это напоминает мне худшие эксцессы времен французской революции. Я полагаю, вам известно, к чему привело это злосчастное возмущение. А что касается места, где был найден саквояж" то хотя камера хранения и может хранить тайны нарушения общественной морали - что, вероятно, и бывало не раз, - но едва ли она может обеспечить прочное положение в обществе.

Джек. Но что же мне делать? Не сомневайтесь, что я готов на все, лишь бы обеспечить счастье Гвендолен.

Леди Брэкнелл. Я очень рекомендую вам, мистер Уординг, как можно скорей обзавестись родственниками - постараться во что бы то ни стало достать себе хотя бы одного из родителей - все равно, мать или отца, - и сделать это еще до окончания сезона.

Джек. Но, право же, я не знаю, как за это взяться. Саквояж я могу предъявить в любую минуту. Он у меня в гардеробной, в деревне. Может быть, этого вам будет достаточно, леди Брэкнелл?

Леди Брэкнелл. Мне, сэр! Какое это имеет отношение ко мне? Неужели вы воображаете, что мы с лордом Брэкнелл допустим, чтобы наша единственная дочь - девушка, на воспитание которой положено столько забот, - была отдана в камеру хранения и обручена с саквояжем? Прощайте, мистер Уординг! (Исполненная негодования, величаво выплывает из комнаты.)

Джек. Прощайте!

В соседней комнате Алджернон играет свадебный марш.

Джек (в бешенстве подходит к дверям.) Бога ради, прекрати эту идиотскую музыку, Алджернон! Ты совершенно невыносим.

Музыка обрывается, и, улыбаясь, вбегает Алджернон.

Алджернон. А что, разве не вышло, дружище? Неужели Гвендолен отказала тебе? С ней это бывает. Она всем отказывает. Такой уж у нее характер.

Джек. Нет! С Гвендолен все в порядке. Что касается Гвендолен, то мы можем считать себя помолвленными. Ее мамаша - вот в чем загвоздка. Никогда не видывал такой мегеры... Я, собственно, не знаю, что такое мегера, но

леди Брэкнелл сушая мегера. Во всяком случае, она чудовище, и вовсе не мифическое, а это гораздо хуже... Прости меня, Алджернон, я, конечно, не должен был так отзываться при тебе о твоей тетке.

Алджернон. Дорогой мой, обожаю, когда так отзываются о моих родных. Это единственный способ как-то примириться с их существованием. Родственники - скучнейший народ, они не имеют ни малейшего понятия о том, как надо жить, и никак не могут догадаться, когда им следует умереть.

Джек. Ну, это чепуха!

Алджернон. Нисколько.

Джек. Я вовсе не намерен с тобой спорить. Ты всегда обо всем споришь.

Алджернон. Да все на свете для этого и создано.

Джек. Ну, знаешь ли, если так считать, то лучше застрелиться...

(Пауза.) А ты не думаешь, Алджи, что лет через полтора Гвендолен станет очень похожа на свою мать?

Алджернон. Все женщины со временем становятся похожи на своих матерей. В этом их трагедия. Ни один мужчина не бывает похож на свою мать. В этом его трагедия.

Джек. Это что, остроумно?

Алджернон. Это отлично сказано и настолько же верно, насколько любой афоризм нашего цивилизованного века.

Джек. Я сыт по горло остроумием. Теперь все остроумны. Шага нельзя ступить, чтобы не встретить умного человека; Это становится поистине общественным бедствием. Чего бы я не дал за несколько настоящих дураков. Но их нет.

Алджернон. Они есть. Сколько угодно.

Джек. Хотел бы повстречаться с ними. О чем они говорят?

Алджернон. Дураки? Само собой, об умных людях.

Джек. Какие дураки!

Алджернон. А кстати, ты сказал Гвендолен всю правду про то, что ты Эрнест в городе и Джек в деревне?

Джек (покровительственным тоном). Дорогой мой, вся правда - это совсем не то, что следует говорить красивой, милой, очаровательной девушке. Что у тебя за превратные представления о том, как вести себя с женщиной!

Алджернон. Единственный способ вести себя с женщиной - это ухаживать за ней, если она красива, или за другой, если она некрасива.

Джек. Ну, это чепуха!

Алджернон. А все-таки как быть с твоим братцем? С беспутным Эрнестом?

Джек. Не пройдет недели, и я навсегда разделаюсь с ним. Я объявлю, что он умер в Париже от апоплексического удара. Ведь многие скоропостижно умирают от удара, не так ли?

Алджернон. Да, но это наследственное, мой милый. Это поражает целые семьи. Не лучше ли острая простуда?

Джек. А ты уверен, что острая простуда - это не наследственное?

Алджернон. Ну конечно, уверен.

Джек. Хорошо. Мой бедный брат Эрнест скоропостижно скончался в Париже от острой простуды. И кончено.

Алджернон. Но мне казалось, ты говорил... Ты говорил, что мисс Кардью не на шутку заинтересована твоим братом Эрнестом? Как она перенесет такую утрату?

Джек. Ну, это не важно. Сесили, смею тебя уверить, не мечтательница. У нее превосходный аппетит, она любит большие прогулки и вовсе не примерная ученица.

Алджернон. А мне хотелось бы познакомиться с Сесили.

Джек. Постараюсь этого не допустить. Она очень хорошенькая, и ей только что исполнилось восемнадцать.

Алджернон. А ты сказал Гвендолен, что у тебя есть очень хорошенькая воспитанница, которой только что исполнилось восемнадцать?

Джек. К чему разглашать такие подробности? Сесили и Гвендолен непременно подружатся. Поручусь чем угодно, что через полчаса после встречи они назовут друг друга сестрами.

Алджернон. Женщины приходят к этому только после того, как обзовут друг друга совсем иными именами. Ну, а теперь, дружище, надо сейчас же переодеться. Иначе мы не захватим хорошего столика у Виллиса. Ведь уже скоро семь.

Джек (раздраженно). У тебя постоянно скоро семь.

Алджернон. Ну да, я голоден.

Джек. А когда ты не бываешь голоден?

Алджернон. Куда мы после обеда? В театр?

Джек. Нет, ненавижу слушать глупости.

Алджернон. Ну тогда в клуб.

Джек. Ни за что. Ненавижу болтать глупости.

Алджернон. Ну тогда к десяти в варьете.

Джек. Не выношу смотреть глупости. Уволь!

Алджернон. Ну так что же нам делать?

Джек. Ничего.

Алджернон. Это очень трудное занятие. Но я не против того, чтобы потрудиться, если только это не ради какой-то цели.

Входит Лэйн.

Лэйн. Мисс Ферфакс.

Входит Гвендолен. Лэйн уходит.

Алджернон. Гвендолен! Какими судьбами?

Гвендолен. Алджи, пожалуйста, отвернись. Я должна по секрету поговорить с мистером Уордингом.

Алджернон. Знаешь, Гвендолен, в сущности, я не должен разрешать тебе этого.

Гвендолен. Алджи, ты всегда занимаешь аморальную позицию по отношению к самым простым вещам. Ты еще слишком молод для этого.

Алджернон отходит к камину.

Джек. Любимая!

Гвендолен. Эрнест, мы никогда не сможем пожениться. Судя по выражению мамино лица, этому не бывать. Теперь родители очень редко считаются с тем, что говорят им дети. Былое уважение к юности быстро отмирает. Какое-либо влияние на маму я утратила уже в трехлетнем возрасте. Но даже если она помешает нам стать мужем и женой и я выйду еще за кого-нибудь, и даже не один раз, - ничто не сможет изменить моей вечной любви к вам.

Джек. Гвендолен, дорогая!

Гвендолен. История вашего романтического происхождения, которую мама рассказала мне в самом непривлекательном виде, потрясла меня до глубины души. Ваше имя мне стало еще дороже. А ваше простодушие для меня просто непостижимо. Ваш городской адрес в Олбени у меня есть. А какой ваш адрес в деревне?

Джек. Поместье Вултон. Хартфордшир.

Алджернон, который прислушивается к разговору, улыбается и записывает адрес на манжете. Потом берет со стола железнодорожное расписание.

Гвендолен. Надеюсь, почтовая связь у вас налажена. Возможно, нам придется прибегнуть к отчаянным мерам. Это, конечно, потребует серьезного

обсуждения. Я иуду сноситься с вами ежедневно.

Джек. Душа моя!

Гвендолен. Сколько вы еще пробудете в городе?

Джек. До понедельника.

Гвендолен. Прекрасно! Алджи, можешь повернуться.

Алджернон. А я уже повернулся.

Гвендолен. Можешь также позвонить.

Джек. Вы позволите мне проводить вас до кареты, дорогая?

Гвендолен. Само собой.

Джек (вошедшему Лэйну). Я провожу мисс Ферфакс.

Лэйн. Слушаю, сэр.

Джек и Гвендолен уходят. Лэйн держит на подносе несколько писем. Видимо, это счета, потому что Алджернон, взглянув на конверты, рвет их на кусочки.

Алджернон. Стакан хересу, Лэйн.

Лэйн. Слушаю, сэр.

Алджернон. Завтра, Лэйн, я отправляюсь бенберировать.

Лэйн. Слушаю, сэр.

Алджернон. Вероятно, я не вернусь до понедельника. Уложите фрак, смокинг и все для поездки к мистеру Бенбери.

Лэйн. Слушаю, сэр. (Подает херес.)

Алджернон. Надеюсь, завтра будет хорошая погода, Лэйн.

Лэйн. Погода никогда не бывает хорошей, сэр.

Алджернон. Лэйн, вы законченный пессимист.

Лэйн. Стараюсь по мере сил, сэр.

Входит Джек. Лэйн уходит.

Джек. Вот разумная, мыслящая девушка. Единственная в моей жизни.

Алджернон без удержу хохочет.

Джек. Чего ты так веселишься?

Алджернон. Просто вспомнил о бедном мистере Бенбери.

Джек. Если ты не одумаешься, Алджи, помяни мое слово, попадешь ты с этим Бенбери в переделку!

Алджернон. А мне это как раз нравится. Иначе скучно было бы жить на свете.

Джек. Какая чушь, Алджи. От тебя слышишь одни глупости.

Алджернон. А от кого их не услышишь?

Джек с возмущением глядит на него, потом выходит. Алджернон закуривает папироску, читает адрес на манжете и улыбается.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сад в поместье м-ра Уординга. Серая каменная лестница ведет к дому. По-старомодному распланированный сад, полный роз. Время - июль. В тени

большого тиса соломенные стулья, стол, заваленный книгами. Мисс Призм сидит за столом. Сесили в глубине поливает цветы.

Мисс Призм. Сесили, Сесили! Такое утилитарное занятие, как поливка цветов, это скорее обязанность Мольтона, чем ваша. Особенно сейчас, когда вас ожидают интеллектуальные наслаждения. Ваша немецкая грамматика у вас на столе. Раскройте страницу пятнадцатую. Мы повторим вчерашний урок.

Сесили (подходя очень медленно). Но я ненавижу немецкий. Противный язык. После немецкого урока у меня всегда ужасный вид.

Мисс Призм. Дитя мое, вы знаете, как озабочен ваш опекун тем, чтобы вы продолжали свое образование. Уезжая вчера в город, он особенно обращал мое внимание на немецкий язык. И каждый раз, уезжая в город, он напоминает о немецком языке.

Сесили. Дорогой дядя Джек такой серьезный! Иногда я боюсь, что он не совсем здоров.

Мисс Призм (выпрямляясь). Ваш опекун совершенно здоров, и строгость его поведения особенно похвальна в таком сравнительно молодом человеке. Я не знаю никого, кто превосходил бы его в сознании долга и ответственности.

Сесили. Может быть, поэтому он и скучает, когда мы остаемся тут втроем.

Мисс Призм. Сесили! Вы меня удивляете. У мистера Уординга много забот. Праздная и легкомысленная болтовня ему не к лицу. Вы же знаете, какие огорчения доставляет ему его несчастный младший брат.

Сесили. Я хотела бы, чтобы дядя позволил этому несчастному младшему брату хоть иногда гостить у нас. Мы бы могли оказать на него хорошее влияние, мисс Призм. Я уверена, что вы, во всяком случае, могли бы. Вы знаете немецкий и геологию, а такие познания могут перевоспитать человека. (Что-то записывает в своем дневнике.)

Мисс Призм (покачивая головой). Не думаю, чтобы даже я могла оказать влияние на человека, который, по словам собственного брата, обладает таким слабым и неустойчивым характером. Да я и не уверена, что взялась бы за его исправление. Я вовсе не одобряю современной мании мгновенно превращать дурного человека в хорошего. Что он посеял, пускай и пожнет. Закройте ваш дневник, Сесили. Вообще вам совсем не следует вести дневник.

Сесили. Я веду дневник для того, чтобы поверять ему самые удивительные тайны моей жизни. Без записей я, вероятно, позабыла бы их.

Мисс Призм. Память, моя милая, - вот дневник, которого у нас никто не отнимет.

Сесили. Да, но обычно запоминаются события, которых на самом деле не было и не могло быть. Я думаю, именно памяти мы обязаны трехтомными романами, которые нам присылают из библиотеки.

Мисс Призм. Не хулите трехтомные романы, Сесили. Я сама когда-то сочинила такой роман.

Сесили. Нет, в самом деле, мисс Призм? Какая вы умная! И, надеюсь, конец был несчастливый? Я не люблю романов со счастливым концом. Они меня положительно угнетают.

Мисс Призм. Для хороших там все кончалось хорошо, а для плохих - плохо. Это называется беллетристикой.

Сесили. Может быть, и так. Но это несправедливо. А ваш роман был напечатан?

Мисс Призм. Увы! Нет. Рукопись, к несчастью, была мною утрачена.

Сесили делает удивленный жест.

Мисс Призм. Я хочу сказать - забыта, потеряна. Но примемся за работу, дитя мое, время уходит у нас на пустые разговоры.

Сесили (с улыбкой). А вот и доктор Чезюбл идет к нам.

Мисс Призм (встав и идя навстречу). Доктор Чезюбл! Как приятно вас

видеть!

Входит каноник Чезюбл.

Чезюбл. Ну, как мы сегодня поживаем? Надеюсь, вы в добром здравии, мисс Призм?

Сесили. Мисс Призм только что жаловалась на головную боль. Мне кажется, ей помогла бы небольшая прогулка с вами, доктор.

Мисс Призм. Сесили! Но я вовсе не жаловалась на головную боль.

Сесили. Да, мисс Призм, но я чувствую, что голова у вас болит. Когда вошел доктор Чезюбл, я думала как раз об этом, а не об уроке немецкого языка.

Чезюбл. Надеюсь, Сесили, что вы внимательно относитесь к вашим урокам?

Сесили. Боюсь, что не очень.

Чезюбл. Не понимаю. Если бы мне посчастливилось быть учеником мисс Призм, я бы не отрывался от ее уст.

Мисс Призм негодует.

Чезюбл. Я говорю метафорически - моя метафора заимствована у пчел. Да! Мистер Уординг, я полагаю, еще не вернулся из города?

Мисс Призм. Мы ждем его не раньше понедельника.

Чезюбл. Да, верно, ведь он предпочитает проводить воскресные дни в Лондоне. Не в пример его несчастному младшему брату, он не из тех, для кого единственная цель - развлечения. Но я не стану больше мешать Эгерии и ее ученице.

Мисс Призм. Эгерия? Меня зовут Петиция, доктор.

Чезюбл (отвешивая поклон). Классическая аллюзия, не более того; заимствована из языческих авторов. Я, без сомнения, увижу вас вечером в церкви?

Мисс Призм. Я все-таки, пожалуй, немножко пройду с вами, доктор. Голова у меня действительно побаливает, и прогулка мне поможет.

Чезюбл. С удовольствием, мисс Призм, с величайшим удовольствием. Мы пройдем до школы и обратно.

Мисс Призм. Восхитительно! Сесили, в мое отсутствие вы приготовите политическую экономию. Главу о падении рупии можете опустить. Это чересчур злободневно. Даже финансовые проблемы имеют драматический резонанс. (Уходит по дорожке, сопровождаемая доктором Чезюблом.)

Сесили (хватает одну книгу за другой и швыряет их обратно на стол). Ненавижу политическую экономию! Ненавижу географию. Ненавижу, ненавижу немецкий.

Входит Мерримен с визитной карточкой на подносе.

Мерримен. Сейчас со станции прибыл мистер Эрнест Уординг. С ним его чемоданы.

Сесили (берет карточку и читает). "Мистер Эрнест Уординг, Б-4, Олбени, зап.". Несчастный брат дяди Джека! Вы ему сказали, что мистер Уординг в Лондоне?

Мерримен. Да, мисс. Он, по-видимому, очень огорчился. Я заметил, что вы с мисс Призм сейчас в саду. Он сказал, что хотел бы побеседовать с вами.

Сесили. Просите мистера Эрнеста Уординга сюда. Я думаю, надо сказать экономке, чтобы она приготовила для него комнату.

Мерримен. Слушаю, мисс. (Уходит.)

Сесили. Никогда в жизни я не встречала по-настоящему беспутного человека! Мне страшно. А вдруг он такой же, как все?

Входит Алджернон, очень веселый и добродушный.

Сесили. Да, такой же!

Алджернон (приподнимая шляпу). Так это вы моя маленькая кузина Сесили?

Сесили. Тут какая-то ошибка. Я совсем не маленькая. Напротив, для своих лет я даже слишком высока.

Алджернон несколько смущен.

Сесили. Но я действительно ваша кузина Сесили. А вы, судя по визитной карточке, брат дяди Джека, кузен Эрнест, мой беспутный кузен Эрнест.

Алджернон. Но я вовсе не беспутный, кузина. Пожалуйста, не думайте, что я беспутный.

Сесили. Если это не так, то вы самым nepозволительным образом вводили нас в заблуждение. Надеюсь, вы не ведете двойной жизни, прикидываясь беспутным, когда на самом деле вы добродетельны. Это было бы лицемерием.

Алджернон (глядя на нее с изумлением). Гм! Конечно, я бывал весьма легкомысленным.

Сесили. Очень рада, что вы это признаете.

Алджернон. Если вы уж заговорили об этом, должен признаться, что шалил я достаточно.

Сесили. Не думаю, что вам следует этим хвастаться, хотя, вероятно, это вам доставляло удовольствие.

Алджернон. Для меня гораздо большее удовольствие быть здесь, с вами.

Сесили. Я вообще не понимаю, как вы здесь очутились. Дядя Джек вернется только в понедельник.

Алджернон. Очень жаль. Я должен уехать в понедельник первым же поездом. У меня деловое свидание, и мне очень хотелось бы... избежать его.

Сесили. А вы не могли бы избежать его где-нибудь в Лондоне?

Алджернон. Нет, свидание назначено в Лондоне.

Сесили. Конечно, я понимаю, как важно не выполнить деловое обещание, если хочешь сохранить чувство красоты и полноты жизни, но все-таки вам лучше дожидаться приезда дяди Джека. Я знаю, он хотел поговорить с вами относительно вашей эмиграции.

Алджернон. Относительно чего?

Сесили. Вашей эмиграции. Он поехал покупать вам дорожный костюм.

Алджернон. Никогда не поручил бы Джеку покупать мне костюм. Он не способен выбрать даже галстук.

Сесили. Но вам едва ли понадобятся галстуки. Ведь дядя Джек отправляет вас в Австралию.

Алджернон. В Австралию! Лучше на тот свет!

Сесили. Да, в среду за обедом он сказал, что вам предстоит выбирать между этим светом, тем светом и Австралией.

Алджернон. Вот как! Но сведения, которыми я располагаю об Австралии и том свете, не очень заманчивы. Для меня и этот свет хорош, кузина.

Сесили. Да, но достаточно ли вы хороши для него?

Алджернон. Боюсь, что нет. Поэтому я и хочу, чтобы вы взяли за мое исправление. Это могло бы стать вашим призванием, - конечно, если б вы этого захотели, кузина.

Сесили. Боюсь, что сегодня у меня на это нет времени.

Алджернон. Ну тогда хотите, чтобы я сам исправился сегодня же?

Сесили. Едва ли это вам по силам. Но почему не попробовать?

Алджернон. Непременно попробую. Я уже чувствую, что становлюсь лучше.

Сесили. Но вид у вас стал хуже.

Алджернон. Это потому, что я голоден.

Сесили. Ах, как это мне не пришло в голову! Конечно, тот, кто собирается возродиться к новой жизни, нуждается в регулярном и здоровом

питании. Пройдемте в дом.

Алджернон. Благодарю вас. Но можно мне цветок в петлицу? Без цветка в петлице мне и обед не в обед.

Сесили. Маршалль Ниель? (Берется за ножницы.)

Алджернон. Нет, лучше пунцовую.

Сесили. Почему? (Срезает пунцовую розу.)

Алджернон. Потому что вы похожи на пунцовую розу, Сесили.

Сесили. Я думаю, вам не следует так говорить со мной. Мисс Призм никогда со мной так не говорит.

Алджернон. Значит, мисс Призм просто близорукая старушка.

Сесили вдевает розу ему в петлицу.

Алджернон. Вы на редкость хорошенькая девушка, Сесили.

Сесили. Мисс Призм говорит, что красота - это только ловушка.

Алджернон. Это ловушка, в которую с радостью попался бы всякий здравомыслящий человек.

Сесили. Ну, я вовсе не хотела бы поймать здравомыслящего человека. О чем с ним разговаривать?

Они уходят в дом. Возвращаются мисс Призм и доктор Чезюбл.

Мисс Призм. Вы слишком одиноки, дорогой доктор. Вам следовало бы жениться. Мизантроп - это я еще понимаю, но женотропа понять не могу.

Чезюбл (филологическое чувство которого потрясено). Поверьте, я не заслуживаю такого неологизма. Как теория, так и практика церкви первых веков христианства высказывались против брака.

Мисс Призм (нравоучительно). Поэтому церковь первых веков христианства и не дожидая до нашего времени. И вы, должно быть, не отдаете себе отчета, дорогой доктор, что, упорно отказываясь от женитьбы, человек является всеобщим соблазном. Мужчинам следует быть осмотрительнее, слабым духом безбрачие способно сбить с пути истинного.

Чезюбл. Но разве женатый мужчина менее привлекателен?

Мисс Призм. Женатый мужчина привлекателен только для своей жены.

Чезюбл. Увы, даже для нее, как говорят, не всегда.

Мисс Призм. Это зависит от интеллектуального уровня женщины. Зрелый возраст в этом смысле всего надежней. Спелости можно довериться. А молодые женщины - это еще зеленый плод.

Доктор Чезюбл делает удивленный жест.

Мисс Призм. Я говорю агрикультурно. Моя метафора заимствована из садоводства. Но где же Сесили?

Чезюбл. Может быть, она тоже пошла пройтись до школы и обратно?

Из глубины сада медленно приближается Джек. Он облачен в глубокий траур, с крепом на шляпе и в черных перчатках.

Мисс Призм. Мистер Уординг!

Чезюбл. Мистер Уординг!

Мисс Призм. Какой сюрприз! А мы вас не ждали раньше понедельника.

Джек (с трагической миной жмет руку мисс Призм). Да, я вернулся раньше, чем предполагал. Доктор Чезюбл, здравствуйте.

Чезюбл. Дорогой мистер Уординг! Надеюсь, это скорбное одеяние не означает какой-нибудь ужасной утраты?

Джек. Мой брат.

Мисс Призм. Новые долги и безрассудства?

Чезюбл. В тенетах зла и наслаждения?

Джек (качая головой). Умер.

Чезюбл. Ваш брат Эрнест умер?

Джек. Да, умер. Совсем умер.

Мисс Призм. Какой урок для него! Надеюсь, это ему пойдет на пользу.

Чезюбл. Мистер Уординг, приношу вам мои искренние соболезнования. Для вас остается по крайней мере утешением, что вы были самым великодушным и щедрым из братьев.

Джек. Брат Эрнест! У него было много недостатков, но это тяжкий удар.

Чезюбл. Весьма тяжкий. Вы были с ним до конца?

Джек. Нет. Он умер за границей! В Париже. Вчера вечером пришла телеграмма от управляющего Гранд-отеля.

Чезюбл. И в ней упоминается причина смерти?

Джек. По-видимому, острая простуда.

Мисс Призм. Что посеешь, то и пожнешь.

Чезюбл (воздевая руки горе). Милосердие, дорогая мисс Призм, милосердие! Никто из нас не совершенен. Я сам в высшей степени подвержен простуде. А погребение предполагается здесь, у нас?

Джек. Нет. Он, кажется, завещал, чтобы его похоронили в Париже.

Чезюбл. В Париже! (Покачивает головой.) Да! Значит, он до самого конца не проявил достаточной серьезности. Вам, конечно, желательно, чтобы я упомянул об этой семейной драме в моей воскресной проповеди?

Джек горячо пожимает ему руку.

Чезюбл. Моя проповедь о манне небесной в пустыне пригодна для любого события, радостного или, как в данном случае, печального.

Все вздыхают.

Чезюбл. Я произносил ее на празднике урожая, при крещении, конфирмации, в дни скорби и в дни ликования. В последний раз я произнес ее в соборе на молебствии в пользу Общества предотвращения недовольства среди высших классов. Присутствовавший при этом епископ был поражен злободневностью некоторых моих аналогий.

Джек. А кстати! Вы, кажется, упомянули крещение, доктор Чезюбл. Вы, конечно, умеете крестить?

Доктор Чезюбл в недоумении.

Джек. Я хочу сказать, вам часто приходится крестить?

Мисс Призм. К сожалению, в нашем приходе это одна из главных обязанностей пастора. Я часто говорила по этому поводу с беднейшими из прихожан. Но они, как видно, понятия не имеют об экономии.

Чезюбл. Смее спросить, мистер Уординг, разве вы заинтересованы в судьбе какого-нибудь ребенка? Ведь сколько мне известно, брат ваш был холост?

Джек. Да.

Мисс Призм (с горечью). Таковы обычно все живущие исключительно ради собственного удовольствия.

Джек. Дело касается не ребенка, дорогой доктор. Хотя я и очень люблю детей. Нет! В данном случае я сам хотел бы подвергнуться обряду крещения, и не позднее чем сегодня, - конечно, если вы свободны.

Чезюбл. Но, мистер Уординг, ведь вас уже крестили.

Джек. Не помню.

Чезюбл. Значит, у вас на этот счет имеются сомнения?

Джек. Если нет, так будут. Но, конечно, я не хотел бы затруднять вас. Может быть, мне уже поздно креститься?

Чезюбл. Нисколько. Окропление и даже погружение взрослых предусмотрено каноническими правилами.

Джек. Погружение?

Чезюбл. Не беспокойтесь. Окропления будет вполне достаточно. Оно даже предпочтительно. Погода у нас такая ненадежная. И в котором часу вы предполагаете совершить обряд?

Джек. Да я мог бы заглянуть часов около пяти, если вам удобно.

Чезюбл. Вполне! Вполне! Как раз около этого часа я собираюсь совершить еще два крещения. Это двойня, недавно рожденная у одного из ваших арендаторов. У Дженкинса, того, знаете, возчика и весьма работающего человека.

Джек. Мне совсем не улыбается креститься заодно с другими младенцами. Это было бы ребячеством. Не лучше ли тогда в половине шестого?

Чезюбл. Чудесно! Чудесно! (Вынимая часы.) А теперь, мистер Уординг, позвольте мне покинуть сию обитель скорби. И я от всей души посоветовал бы вам не сгибаться под бременем горя. То, что представляется нам тяжелыми испытаниями, иногда на самом деле - скрытое благо.

Мисс Призм. Мне оно кажется очень даже явным благом.

Из дома выходит Сесили.

Сесили. Дядя Джек! Как хорошо, что вы вернулись. Но что за ужасный костюм? Скорее идите переодеваться!

Мисс Призм. Сесили!

Чезюбл. Дитя мое! Дитя мое!

Сесили подходит к Джеку, он с грустью целует ее в лоб.

Сесили. В чем дело, дядя? Улыбнитесь. У вас такой вид, словно зубы болят, а у меня для вас есть сюрприз. Кто бы вы думали сейчас у нас в столовой? Ваш брат!

Джек. Кто?

Сесили. Ваш брат, Эрнест. Он приехал за полчаса до вас.

Джек. Что за чушь! У меня нет никакого брата.

Сесили. О, не надо так говорить! Как бы дурно он ни вел себя в прошлом, он все-таки ваш брат. Зачем вы так суровы? Не надо отрекаться от него. Я сейчас позову его сюда. И вы пожмете ему руку, не правда ли, дядя Джек? (Бежит в дом.)

Чезюбл. Какое радостное известие!

Мисс Призм. Теперь, когда мы уже примирились с утратой, его возвращение вызывает особую тревогу.

Джек. Мой брат в столовой? Ничего не понимаю. Какая-то нелепость.

Входит Алджернон за руку с Сесили. Они медленно идут к Джеку.

Джек. Силы небесные! (Делает знак Алджернону, чтобы тот ушел.)

Алджернон. Дорогой брат, я приехал из Лондона, чтобы сказать тебе, что я очень сожалею о всех причиненных тебе огорчениях и что я намерен в будущем жить совсем по-иному.

Джек бросает на него грозный взгляд и не берет протянутой руки.

Сесили. Дядя Джек, неужели вы оттолкнете руку вашего брата?

Джек. Ничто не заставит меня пожалеть ему руку. Его приезд сюда - просто безобразие. Он знает сам почему.

Сесили. Дядя Джек, будьте снисходительны. В каждом есть крупица добра. Эрнест сейчас рассказывал мне о своем бедном больном друге Бенбери,

которого он часто навещает. И, конечно, есть доброе чувство в том, кто отказывается от всех удовольствий Лондона для того, чтобы сидеть у одра больного.

Джек. Как! Он тебе рассказывал о Бенбери?

Сесили. Да, он рассказал мне о бедном Бенбери и его ужасной болезни.

Джек. Бенбери! Я не желаю, чтобы он говорил с тобой о Бенбери и вообще о чем бы то ни было. Это слишком!

Алджернон. Признаюсь, виноват. Но я не могу не сознаться, что холодность брата Джона для меня особенно тяжела. Я надеялся на более сердечный прием, особенно в мой первый приезд сюда.

Сесили. Дядя Джек, если вы не протянете руку Эрнесту, я вам этого никогда не прощу!

Джек. Никогда не простишь?

Сесили. Никогда, никогда, никогда!

Джек. Ну хорошо, в последний раз. (Пожимает руку Алджернону и угрожающе глядит на него.)

Чезюбл. Как утешительно видеть такое искреннее примирение. Теперь, я думаю, нам следует оставить братьев наедине.

Мисс Призм. Сесили, идемте со мной.

Сесили. Сейчас, мисс Призм. Я рада, что помогла их примирению.

Чезюбл. Сегодня вы совершили благородный поступок, дитя мое.

Мисс Призм. Не будем поспешны в наших суждениях.

Сесили. Я очень счастлива!

Все, кроме Джека и Алджернона, уходят.

Джек. Алджи, перестань озорничать. Ты должен убраться отсюда сейчас же. Здесь я не разрешаю бенберировать!

Входит Мерримен.

Мерримен. Я поместил вещи мистера Эрнеста в комнату рядом с вашей, сэр. Полагаю, так и следует, сэр?

Джек. Что?

Мерримен. Чемоданы мистера Эрнеста, сэр. Я внес их в комнату рядом с вашей спальней и распаковал.

Джек. Его чемоданы?

Мерримен. Да, сэр. Три чемодана, несессер, две шляпных картонки и большая корзина с провизией.

Алджернон. Боюсь, на этот раз я не смогу пробыть больше недели.

Джек. Мерримен, велите сейчас же подать кабриолет. Мистера Эрнеста срочно вызывают в город.

Мерримен. Слушаю, сэр. (Уходит в дом.)

Алджернон. Какой ты выдумщик, Джек. Никто меня не вызывает в город.

Джек. Нет, вызывает.

Алджернон. Понятия не имею, кто именно.

Джек. Твой долг джентльмена.

Алджернон. Мой долг джентльмена никогда не мешает моим удовольствиям.

Джек. Готов тебе поверить.

Алджернон. А Сесили - прелестна.

Джек. Не смей в таком тоне говорить о мисс Кардью. Мне это не нравится.

Алджернон. А мне, например, не нравится твой костюм. Ты просто смешон. Почему ты не пойдешь и не переоденешься? Чистое ребячество носить траур по человеку, который собирается целую неделю провести у тебя в качестве гостя. Это просто нелепо!

Джек. Ты ни в коем случае не пробудешь у меня целую неделю ни в качестве гостя, ни в ином качестве. Ты должен уехать поездом четыре пять.

Алджернон. Я ни в коем случае не оставлю тебя, пока ты в трауре. Это было бы не по-дружески. Если бы я был в трауре, ты, полагаю, не покинул бы меня? Я бы считал тебя черствым человеком, если бы ты поступил иначе.

Джек. А если я переоденусь, тогда ты уедешь?

Алджернон. Да, если только ты не будешь очень копать. Ты всегда страшно копаешься перед зеркалом, и всегда без особого толку.

Джек. Уж во всяком случае это лучше, чем быть всегда расфуфыренным вроде тебя.

Алджернон. Если я слишком хорошо одет, я искупаю это тем, что я слишком хорошо воспитан.

Джек. Твое тщеславие смехотворно, твое поведение оскорбительно, а твое присутствие в моем саду нелепо. Однако ты еще поспеешь на поезд четыре пять и, надеюсь, совершишь приятную поездку в город. На этот раз твое бенбериование не увенчалось успехом. (Идет в дом.)

Алджернон. А по-моему, увенчалось, да еще каким. Я влюблен в Сесили, а это самое главное.

В глубине сада появляется Сесили, она берет лейку и начинает поливать цветы.

Алджернон. Но я должен повидать ее до отъезда и условиться о следующей встрече. А, вот она!

Сесили. Я пришла полить розы. Я думала, вы с дядей Джеком.

Алджернон. Он пошел распорядиться, чтобы мне подали кабриолет.

Сесили. Вы поедете с ним кататься?

Алджернон. Нет, он хочет отослать меня.

Сесили. Так, значит, нам предстоит разлука?

Алджернон. Боюсь, что да. И мне это очень грустно.

Сесили. Всегда грустно расставаться с теми, с кем только что познакомился. С отсутствием старых друзей можно легко примириться. Но даже недолгая разлука с теми, кого только что узнал, почти невыносима.

Алджернон. Спасибо за эти слова.

Входит Мерримен.

Мерримен. Экипаж подан, сэр.

Алджернон умоляюще глядит на Сесили.

Сесили. Пусть подождет, Мерримен, ну, минут... минут пять.

Мерримен. Слушаю, мисс. (Уходит.)

Алджернон. Надеюсь, Сесили, я не оскорблю вас, если скажу честно и прямо, что в моих глазах вы зримое воплощение предельного совершенства.

Сесили. Ваша искренность делает вам честь, Эрнест. Если вы позволите, я запишу ваши слова в свой дневник. (Идет к столу и начинает записывать.)

Алджернон. Так вы действительно ведете дневник? Чего бы я не дал за то, чтобы заглянуть в него. Можно?

Сесили. О нет! (Прикрывает его рукой.) Видите ли, это всего только запись мыслей и переживаний очень молодой девушки, и, следовательно, это предназначено для печати. Вот когда мой дневник появится отдельным изданием, тогда непременно купите его. Но прошу вас, Эрнест, продолжайте. Я очень люблю писать под диктовку. Я дописала до "предельного совершенства". Продолжайте. Я готова.

Алджернон (несколько озадаченно). Хм! Хм!

Сесили. Не кашляйте, Эрнест. Когда диктуешь, надо говорить медленно и не кашлять. А к тому же я не знаю, как записать кашель. (Записывает по мере того как Алджернон говорит.)

Алджернон (говорит очень быстро). Сесили, как только я увидел вашу поразительную и несравненную красоту, я осмелился полюбить вас безумно, страстно, преданно, безнадежно.

Сесили. По-моему, вам не следует говорить мне, что вы любите меня безумно, страстно, преданно, безнадежно. А кроме того, безнадежно сюда вовсе не подходит.

Алджернон. Сесили!

Входит Мерримен.

Мерримен. Экипаж ожидает вас, сэр.

Алджернон. Скажите, чтобы его подали через неделю в это же время.

Мерримен (смотрит на Сесили, которая не опровергает слов Алджернона).
Слушаю, сэр.

Мерримен уходит.

Сесили. Дядя Джек будет сердиться, когда узнает, что вы уедете только через неделю в это же время.

Алджернон. Мне нет дела до Джека. Мне нет дела ни до кого, кроме вас. Я люблю вас, Сесили. Согласны вы быть моей женой?

Сесили. Какой вы глупый! Конечно. Мы ведь обручены уже около трех месяцев.

Алджернон. Около трех месяцев?!

Сесили. Да, в четверг будет ровно три месяца.

Алджернон. Но каким образом это произошло?

Сесили. С тех пор как дядя Джек признался нам, что у него есть младший брат, беспутный и порочный, вы стали, конечно, предметом наших разговоров с мисс Призм. И, конечно, тот, о ком так много говорят, становится особенно привлекательным. Должно же в нем быть что-то выдающееся. Может быть, это очень глупо с моей стороны, но я полюбила вас, Эрнест.

Алджернон. Милая! Но все-таки когда состоялось обручение?

Сесили. Четырнадцатого февраля. Не в силах больше вынести того, что вы даже не знаете о моем существовании, я решила так или иначе уладить этот вопрос и после долгих колебаний обручилась с вами под этим старым милым деревом. На другой день я купила вот это колечко, ваш подарок, и этот браслет с узлом верности и дала обещание не снимать их.

Алджернон. Так, значит, это мои подарки? А ведь недурны, правда?

Сесили. У вас очень хороший вкус, Эрнест. За это я вам всегда прощала ваш беспутный образ жизни. А вот шкатулка, в которой я храню ваши милые письма. (Нагибается за шкатулкой, открывает ее и достает пачку писем, перевязанных голубой ленточкой.)

Алджернон. Мои письма? Но, моя дорогая Сесили, я никогда не писал вам писем.

Сесили. Не надо напоминать мне об этом. Я слишком хорошо помню, что мне пришлось писать ваши письма за вас. Я писала их три раза в неделю, а иногда и чаще.

Алджернон. Позвольте мне прочитать их, Сесили.

Сесили. Ни в коем случае. Вы слишком возгордились бы. (Убирает шкатулку.) Три письма, которые вы написали мне после нашего разрыва, так хороши и в них так много орфографических ошибок, что я до сих пор не могу удержаться от слез, когда перечитываю их.

Алджернон. Но разве наша помолвка расстроилась?

Сесили. Ну, конечно. Двадцать второго марта. Вот, можете посмотреть дневник. (Показывает дневник.) "Сегодня я расторгла нашу помолвку с Эрнестом. Чувствую, что так будет лучше. Погода по-прежнему чудесная".

Алджернон. Но почему, почему вы решились на это? Что я сделал? Я ничего

такого не сделал, Сесили! Меня в самом деле очень огорчает то, что вы расторгли нашу помолвку. Да еще в такую чудесную погоду.

Сесили. Какая же это по-настоящему прочная помолвка, если ее не расторгнуть хоть раз. Но я простила вас уже на той же неделе.

Алджернон. (подходя к ней и становясь на колени) Вы ангел, Сесили!

Сесили. Мой милый сумасброд!

Он целует ее, она ерошит его волосы

Сесили. Надеюсь, волосы у вас вьются сами?

Алджернон. Да, дорогая, с небольшой помощью парикмахера.

Сесили. Я так рада.

Алджернон. Больше вы никогда не расторгнете нашей помолвки, Сесили?

Сесили. Мне кажется, что теперь, когда я вас узнала, я этого не смогла бы. А к тому же ваше имя...

Алджернон (нервно). Да, конечно.

Сесили. Не смейтесь надо мной, милый, но моей девической мечтой всегда было выйти за человека, которого зовут Эрнест.

Алджернон встает. Сесили тоже.

Сесили. В этом имени есть нечто внушающее абсолютное доверие. Я так жалею бедных женщин, мужья которых носят другие имена.

Алджернон. Но, дорогое дитя мое, неужели вы хотите сказать, что не полюбили бы меня, если бы меня звали по-другому?

Сесили. Как, например?

Алджернон. Ну, все равно, хотя бы - Алджернон.

Сесили. Но мне вовсе не нравится имя Алджернон.

Алджернон. Послушайте, дорогая, милая, любимая девочка. Я не вижу причин, почему бы вам возражать против имени Алджернон. Это вовсе не плохое имя. Более того, это довольно аристократическое имя. Половина ответчиков по делам о банкротстве носит это имя. Нет, шутки в сторону, Сесили... (Подходя ближе.) Если бы меня звали Алджи, неужели вы не могли бы полюбить меня?

Сесили (вставая). Я могла бы уважать вас, Эрнест. Я могла бы восхищаться вами, но, боюсь, что не смогла бы все свои чувства безраздельно отдать только вам.

Алджернон. Гм! Сесили! (Хватаясь за шляпу.) Ваш пастор, вероятно, вполне сведущ по части церковных обрядов и церемоний?

Сесили. О, конечно, доктор Чезюбл весьма сведущий человек. Он не написал ни одной книги, так что вы можете себе представить, сколько у него сведений в голове.

Алджернон. Я должен сейчас же повидаться с ним... и поговорить о неотложном крещении... я хочу сказать - о неотложном деле.

Сесили. О!

Алджернон. Я вернусь не позже чем через полчаса.

Сесили. Принимая во внимание, что мы с вами обручены с четырнадцатого февраля и что встретились мы только сегодня, я думаю, что вам не следовало бы покидать меня на такой продолжительный срок. Нельзя ли через двадцать минут?

Алджернон. Я мигом вернусь! (Целует ее и убегает через сад.)

Сесили. Какой он порывистый! И какие у него волосы! Нужно записать, что он сделал мне предложение.

Входит Мерримен.

Мерримен. Некая мисс Ферфакс хочет видеть мистера Уординга. Говорит,

что он нужен ей по очень важному делу.

Сесили. А разве мистер Уординг не у себя в кабинете?

Мерримен. Мистер Уординг недавно прошел по направлению к дому доктора Чезюбл а.

Сесили. Попросите эту леди сюда. Мистер Уординг, вероятно, скоро вернется. И принесите, пожалуйста, чаю.

Мерримен. Слушаю, мисс. (Выходит.)

Сесили. Мисс Ферфакс? Вероятно, одна из тех пожилых дам, которые вместе с дядей Джеком занимаются благотворительными делами в Лондоне. Не люблю дам-филантропок. Они слишком много на себя берут.

Входит Мерримен.

Мерримен. Мисс Ферфакс.

Входит Гвендолен. Мерримен уходит.

Сесили (идя ей навстречу). Позвольте вам представиться. Меня зовут Сесили Кардью.

Гвендолен. Сесили Кардью? (Идет к ней и пожимает руку.) Какое милое имя! Я уверена, мы с вами подружмся. Вы мне и сейчас ужасно нравитесь. А первое впечатление меня никогда не обманывает.

Сесили. Как это мило с вашей стороны, мы ведь с вами так сравнительно недавно знакомы. Пожалуйста садитесь.

Гвендолен (все еще стоя). Можно мне называть вас Сесили?

Сесили. Ну конечно!

Гвендолен. А меня зовите просто Гвендолен.

Сесили. Если вам это приятно.

Гвендолен. Значит, решено? Не так ли?

Сесили. Надеюсь.

Пауза. Обе одновременно садятся.

Гвендолен. Теперь, я думаю, самое подходящее время объяснить вам, кто я такая. Мой отец - лорд Брэкнелл. Вы, должно быть, никогда не слышали о папе, не правда ли?

Сесили. Нет, не слыхала.

Гвендолен. К счастью, он совершенно неизвестен за пределами тесного семейного круга. Это вполне естественно. Сферой деятельности для мужчины, по-моему, должен быть домашний очаг. И как только мужчины начинают пренебрегать своими семейными обязанностями, они становятся такими изнеженными. А я этого не люблю. Это делает мужчину слишком привлекательным. Моя мама, которая смотрит на воспитание крайне сурово, развила во мне большую близорукость: это входит в ее систему. Так что вы не возражаете, Сесили, если я буду смотреть на вас в лорнет?

Сесили. Нет, что вы, Гвендолен, я очень люблю, когда на меня смотрят!

Гвендолен (тщательно обзрев Сесили через лорнет). Вы здесь гостите, не так ли?

Сесили. О, нет. Я здесь живу.

Гвендолен (строго). Вот как? Тогда здесь находится, конечно, ваша матушка или хотя бы какая-нибудь пожилая родственница?

Сесили. Нет. У меня нет матери, да и родственниц никаких нет.

Гвендолен. Что вы говорите?

Сесили. Мой дорогой опекун с помощью мисс Призм взял на себя тяжкий труд заботиться о моем воспитании.

Гвендолен. Ваш опекун?

Сесили. Да, я воспитанница мистера Уординга.

Гвендолен. Странно! Он никогда не говорил мне, что у него есть воспитанница. Какая скрытность! Он становится интереснее с каждым часом. Но я не сказала бы, что эта новость вызывает у меня восторг. (Встает и направляется к Сесили.) Вы мне очень нравитесь, Сесили. Вы мне понравились с первого взгляда, но должна сказать, что сейчас, когда я узнала, что вы воспитанница мистера Уординга, я бы хотела, чтобы вы были... ну, чуточку постарше и чуточку менее привлекательной. И знаете, если уж говорить откровенно...

Сесили. Говорите! Я думаю, если собираются сказать неприятное, надо говорить откровенно.

Гвендолен. Так вот, говоря откровенно, Сесили, я хотела бы, чтобы вам было не меньше чем сорок два года, а с виду и того больше. У Эрнеста честный и прямой характер. Он воплощенная искренность и честь. Неверность для него так же невозможна, как и обман. Но даже самые благородные мужчины до чрезвычайности подвержены женским чарам. Новая история, как и древняя, дает тому множество плачевных примеров. Если бы это было иначе, то историю было бы невозможно читать.

Сесили. Простите, Гвендолен, вы, кажется, сказали - Эрнест?

Гвендолен. Да.

Сесили. Но мой опекун вовсе не мистер Эрнест Уординг - это его брат, старший брат.

Гвендолен (снова усаживаясь). Эрнест никогда не говорил мне, что у него есть брат.

Сесили. Как ни грустно, но они долгое время не ладили.

Гвендолен. Тогда понятно. А к тому же я никогда не слыхала, чтобы мужчины говорили о своих братьях. Тема эта для них, по-видимому, крайне неприятна. Сесили, вы успокоили меня. Я уже начинала тревожиться. Как ужасно было бы, если бы облако омрачило такую дружбу, как наша. Но вы совершенно, совершенно уверены, что ваш опекун не мистер Эрнест Уординг?

Сесили. Совершенно уверена. (Пауза.) Дело в том, что я сама собираюсь его опекать.

Гвендолен (не веря ушам) Что вы сказали?

Сесили (смущенно и как бы по секрету). Дорогая Гвендолен, у меня нет никаких оснований держать это в тайне. Ведь даже наша местная газета объявит на будущей неделе о моей помолвке с мистером Эрнестом Уордингом.

Гвендолен (вставая, очень вежливо). Милочка моя, тут какое-то недоразумение. Мистер Эрнест Уординг обручен со мной. И об этом будет объявлено в "Морнинг пост" не позднее субботы.

Сесили (вставая и не менее вежливо). Боюсь, вы ошибаетесь. Эрнест сделал мне предложение всего десять минут назад. (Показывает дневник.)

Гвендолен (внимательно читает дневник сквозь лорнет). Очень странно, потому что он просил меня быть его женой не далее как вчера в пять тридцать пополудни. Если вы хотите удостовериться в этом, пожалуйста. (Достает свой дневник.) Я никуда не выезжаю без дневника. В поезде всегда надо иметь для чтения что-нибудь захватывающее. Весьма сожалею, дорогая Сесили, если это вас огорчит, но боюсь, что я первая.

Сесили. Я была бы очень огорчена, дорогая Гвендолен, если бы причинила вам душевную или физическую боль, но все же приходится разяснить вам, что Эрнест явно передумал после того, как сделал вам предложение.

Гвендолен (размышляя вслух). Если кто-то вынудил моего бедного жениха дать какие-то опрометчивые обещания, я считаю своим долгом немедленно и со всей решимостью прийти к нему на помощь.

Сесили (задумчиво и грустно). В какую бы предательскую ловушку ни попал мой дорогой мальчик, я никогда не попрекну его этим после свадьбы.

Гвендолен. Не на меня ли вы намекаете, мисс Кардью, упоминая о ловушке? Вы чересчур самонадеянны. Говорить правду в подобных случаях не только моральная потребность. Это удовольствие.

Сесили. Не меня ли вы обвиняете, мисс Ферфакс, в том, что я вынудила у Эрнеста признание? Как вы смеете? Теперь не время носить маску внешних приличий. Если я вижу лопату, я и называю ее лопатой.

Гвендолен (насмешливо). Рада довести до вашего сведения, что я никогда в жизни не видела лопаты. Совершенно ясно, что мы вращаемся в различных социальных сферах.

Входит Мерримен, за ним лакей с подносом, скатертью и подставкой для чайника, Сесили уже готова возразить, но присутствие слуг заставляет ее сдержаться, так же как и Гвендолен.

Мерримен. Чай накрывать здесь, как всегда, мисс?

Сесили (сурово, но спокойно). Да, как всегда.

Мерримен начинает освобождать стол и накрывать к чаю. Продолжительная пауза. Сесили и Гвендолен яростно глядят друг на друга.

Гвендолен. Есть у вас тут интересные прогулки, мисс Кардью?

Сесили. О да, сколько угодно. С вершины одного из соседних холмов видно пять графств.

Гвендолен. Пять графств! Я бы этого не вынесла. Ненавижу тесноту!

Сесили (очень любезно). Именно поэтому вы, вероятно, живете в Лондоне.

Гвендолен (закусывает губу и нервно постукивает зонтиком по ноге, озираясь). Очень милый садик, мисс Кардью.

Сесили. Рада, что он вам нравится, мисс Ферфакс.

Гвендолен. Я и не предполагала, что в деревне могут быть цветы.

Сесили. О, цветов тут столько же, сколько в Лондоне людей.

Гвендолен. Лично я не могу понять, как можно жить в деревне, - конечно, если ты не полное ничтожество. На меня деревня всегда нагоняет скуку.

Сесили. Да? Это как раз то, что газеты называют сельскохозяйственной депрессией. Мне кажется, аристократы именно сейчас особенно часто страдают от этой болезни. Как мне рассказывали, среди них это своего рода эпидемия. Не угодно ли чаю, мисс Ферфакс?

Гвендолен (с подчеркнутой вежливостью). Благодарствуйте. (В сторону.) Несносная девчонка! Но мне хочется чаю.

Сесили (очень любезно). Сахару?

Гвендолен (надменно). Нет, благодарю вас. Сахар сейчас не в моде.

Сесили (сердито смотрит на нее, берет щипцы и кладет в чашку четыре куска сахара, сурово). Вам пирога или хлеба с маслом?

Гвендолен (со скучающим видом). Хлеба, пожалуйста. В хороших домах сейчас не принято подавать сладкие пироги.

Сесили (отрезает большой кусок сладкого пирога и кладет на тарелочку). Передайте это мисс Ферфакс.

Мерримен выполняет приказание и уходит, сопровождаемый лакеем.

Гвендолен (пьет чай и морщится. Отставив чашку, она протягивает руку за хлебом и видит, что это пирог; вскакивает в негодование). Вы наложили мне полную чашку сахара, и хотя я совершенно ясно просила у вас хлеба, вы подсунули мне пирог. Всем известны моя деликатность и мягкость характера, но предупреждаю вас, мисс Кардью, вы заходите слишком далеко.

Сесили (в свою очередь вставая). Чтобы спасти моего бедного, ни в чем не повинного, доверчивого мальчика от происков коварной женщины, я готова на все!

Гвендолен. С той самой минуты, как я увидела вас, вы мне внушили недоверие. Я почувствовала, что вы притворщица и обманщица. Меня вам не провести. Мое первое впечатление никогда меня не обманывает.

Сесили. Мне кажется, мисс Ферфакс, я злоупотребляю вашим драгоценным временем. Вам, вероятно, предстоит сделать еще несколько таких же визитов в нашем графстве.

Входит Джек.

Гвендолен (заметив его). Эрнест! Мой Эрнест!

Джек. Гвендолен!.. Милая! (Хочет поцеловать ее.)

Гвендолен (отстраняясь). Минуточку! Могу ли я спросить - обручены ли вы с этой молодой леди? (Указывает на Сесили.)

Джек (смеясь). С милой крошкой Сесили? Ну конечно нет. Как могла возникнуть такая мысль в вашей хорошенькой головке?

Гвендолен. Благодарю вас. Теперь можно. (Подставляет щеку.)

Сесили (очень мягко). Я так и знала, что тут какое-то недоразумение, мисс Ферфакс. Джентльмен, который сейчас обнимает вас за талию, это мой дорогой опекун, мистер Джон Уординг.

Гвендолен. Как вы сказали?

Сесили. Да, это дядя Джек.

Гвендолен (отступая). Джек! О!

Входит Алджернон.

Сесили. А вот это Эрнест!

Алджернон (никого не замечая, идет прямо к Сесили). Любимая моя! (Хочет ее поцеловать.)

Сесили (отступая). Минуточку, Эрнест. Могу ли я спросить вас - вы обручены с этой молодой леди?

Алджернон (озираясь). С какой леди? Силы небесные, Гвендолен!

Сесили. Вот именно, силы небесные, Гвендолен. С этой самой Гвендолен!

Алджернон (смеясь). Ну конечно нет. Как могла возникнуть такая мысль в вашей хорошенькой головке?

Сесили. Благодарю вас. (Подставляет щеку для поцелуя.) Теперь можно.

Алджернон целует ее.

Гвендолен. Я чувствовала, что тут что-то не так, мисс Кардью. Джентльмен, который сейчас обнимает вас, - мой кузен, мистер Алджернон Монкриф.

Сесили (отстраняясь от Алджернона). Алджернон Монкриф? О!

Девушки идут друг к другу и обнимаются за талию, как бы ища защиты друг у друга.

Сесили. Так вас зовут Алджернон?

Алджернон. Не могу отрицать.

Сесили. О!

Гвендолен. Вас действительно зовут Джон?

Джек (горделиво). При желании я мог бы это отрицать. При желании я мог бы отрицать все, что угодно. Но меня действительно зовут Джон. И уже много лет.

Сесили (обращаясь к Гвендолен). Мы обе жестоко обмануты.

Гвендолен. Бедная моя оскорбленная Сесили!

Сесили. Дорогая обиженная Гвендолен!

Гвендолен (медленно и веско). Называй меня сестрой, хочешь?

Они обнимаются. Джек и Алджернон вздыхают и прохаживаются по дорожке.

Сесили (спохватившись). Есть один вопрос, который я хотела бы задать моему опекуну.

Гвендолен. Прекрасная идея! Мистер Уординг, я хотела бы задать вам один вопрос. Где ваш брат Эрнест? Мы обе обручены с вашим братом Эрнестом, и нам весьма важно знать, где сейчас находится ваш брат Эрнест.

Джек (медленно и запинаясь). Гвендолен, Сесили... Мне очень жаль, но надо открыть вам всю правду. Я в первый раз в жизни оказался в таком затруднительном положении, мне никогда не приходилось говорить правду. Но я признаюсь вам по чистой совести, что у меня нет никакого брата Эрнеста. У меня вообще нет брата. Никогда в жизни у меня не было брата, и у меня нет ни малейшего желания обзаводиться им в будущем.

Сесили (с изумлением). Никакого брата?

Джек (весело). Ровно никакого.

Гвендолен (сурово). И никогда не было?

Джек. Никогда.

Гвендолен. Боюсь, Сесили, что обе мы ни с кем не обручены.

Сесили. Как неприятно для молодой девушки оказаться в таком положении. Не правда ли?

Гвендолен. Пойдемте в дом. Они едва ли осмелятся последовать за нами.

Сесили. Ну что вы, мужчины так трусливы.

Полные презрения, они уходят в дом.

Джек. Так это безобразие и есть то, что ты называешь бенберированием?

Алджернон. Да, и притом исключительно удачным. Так замечательно бенберировать мне еще ни разу в жизни не приходилось.

Джек. Так вот, бенберировать здесь ты не имеешь права.

Алджернон. Но это же нелепо. Каждый имеет право бенберировать там, где ему вздумается. Всякий серьезный бенберист знает это.

Джек. Серьезный бенберист! Боже мой!

Алджернон. Надо же в чем-то быть серьезным, если хочешь наслаждаться жизнью. Я, например, бенберирую серьезно. В чем ты серьезен, этого я не успел установить. Полагаю - во всем. У тебя такая ординарная натура.

Джек. Что мне нравится во всей этой истории - это то, что твой друг Бенбери лопнул. Теперь тебе не удастся так часто спасаться в деревне, дорогой мой. Оно и к лучшему.

Алджернон. Твой братец тоже слегка полинял, дорогой Джек. Теперь тебе не удастся пропадать в Лондоне, как ты это проделывал раньше. Это тоже неплохо.

Джек. А что касается твоего поведения с мисс Кардью, то я должен тебе заявить, что обольщать такую милую, простую, невинную девушку совершенно недопустимо. Не говоря уже о том, что она под моей опекой.

Алджернон. А я не вижу никакого оправдания тому, что ты обманываешь такую блестящую, умную и многоопытную молодую леди, как мисс Ферфакс. Не говоря уже о том, что она моя кузина.

Джек. Я хотел обручиться с Гвендолен, вот и все. Я люблю ее.

Алджернон. Ну и я просто хотел обручиться с Сесили. Я ее обожаю.

Джек. Но у тебя нет никаких шансов жениться на мисс Кардью.

Алджернон. Еще менее вероятно то, что тебе удастся обручиться с мисс Ферфакс.

Джек. Это не твое дело.

Алджернон. Будь это моим делом, я бы и говорить не стал. (Принимается за сдобные лепешки.) Говорить о собственных делах очень вульгарно. Этим занимаются только биржевые маклеры, да и то больше на званых обедах.

Джек. И как тебе не стыдно преспокойно уплетать лепешки, когда мы оба попали в такую беду. Бессердечный эгоист!

Алджернон. Но не могу же я есть лепешки волнуясь. Я бы запачкал маслом

манжеты. Лепешки надо есть спокойно. Это единственный способ есть лепешки.

Джек. А я говорю, что при таких обстоятельствах вообще бессердечно есть лепешки.

Алджернон. Когда я расстроен, единственное, что меня успокаивает, это еда. Люди, которые меня хорошо знают, могут засвидетельствовать, что при крупных неприятностях я отказываю себе во всем, кроме еды и питья. Вот и сейчас я ем лепешки потому, что несчастлив. Ну, и кроме того, я очень люблю деревенские лепешки. (Встает.)

Джек (встает). Но это еще не причина, чтобы уничтожить их все без остатка. (Отнимает у Алджернона блюдо с лепешками.)

Алджернон (подставляя ему пирог). Может быть, ты возьмешь пирога? Я не люблю пироги.

Джек. Черт возьми! Неужели человек не может есть свои собственные лепешки в своем собственном саду?

Алджернон. Но ты только что утверждал, что есть лепешки - бессердечно.

Джек. Я говорил, что при данных обстоятельствах это бессердечно с твоей стороны. А это совсем другое дело.

Алджернон. Может быть! Но лепешки-то ведь те же самые. (Отбирает у Джека блюдо с лепешками.)

Джек. Алджи, прошу тебя, уезжай.

Алджернон. Не можешь ты выпроводить меня без обеда. Это невыносимо. Я никогда не уйду, не пообедав. На это способны лишь вегетарианцы. А кроме того, я только что договорился с доктором Чезюблом. Он окрестит меня, и без четверти шесть я стану Эрнестом.

Джек. Дорогой мой, чем скорей ты выкинешь из головы эту блажь, тем лучше. Я сегодня утром договорился с доктором Чезюблом, в половине шестого он окрестит меня и, разумеется, даст мне имя Эрнест. Гвендолен этого требует. Не можем мы оба принять имя Эрнест. Это нелепо. Кроме того, я имею право креститься. Нет никаких доказательств, что меня когда-либо крестили. Весьма вероятно, что меня и не крестили, доктор Чезюбл того же мнения. А с тобой дело обстоит совсем иначе. Ты-то уж наверно был крещен.

Алджернон. Да, но с тех пор меня ни разу не крестили.

Джек. Положим, но один раз ты был крещен. Вот что важно.

Алджернон. Это верно. И теперь я знаю, что могу это перенести. А если ты не уверен, что уже подвергался этой операции, то это для тебя очень рискованно. Это может причинить тебе большой вред. Не забывай, что всего неделю назад твой ближайший родственник чуть не скончался в Париже от острой простуды.

Джек. Да, но ты сам сказал, что простуда - болезнь не наследственная.

Алджернон. Так считали прежде, это верно, но так ли это сейчас? Наука идет вперед гигантскими шагами.

Джек (отбирая блюдо с лепешками). Глупости, ты всегда говоришь глупости!

Алджернон. Джек, ты опять принялся за лепешки! А как же я? Там только две и осталось. (Берет их.) Я же сказал тебе, что люблю лепешки.

Джек. А я ненавижу сладкий пирог.

Алджернон. С какой же стати ты позволяешь угощать твоих гостей пирогом? Странное у тебя представление о гостеприимстве.

Джек. Алджернон, я уже говорил тебе - уезжай. Я не хочу, чтобы ты оставался. Почему ты не уходишь?

Алджернон. Я еще не допил чай, и надо же мне доесть лепешку.

Джек со стоном опускается в кресло. Алджернон продолжает есть.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в поместье м-ра Уординга. Гвендолен и Сесили, стоя у окна, смотрят в сад.

Гвендолен. То, что они сразу не пошли за нами в дом, как можно было ожидать, доказывает, по-моему, что у них еще сохранилась капля стыда.

Сесили. Они едят лепешки. Это похоже на раскаяние.

Гвендолен (помолчав). Они, видимо, не замечают нас. Может быть, вы попробуете кашлянуть?

Сесили. Но у меня нет кашля.

Гвендолен. Они смотрят на нас. Какая дерзость!

Сесили. Они идут сюда. Как самонадеянно с их стороны!

Гвендолен. Будем хранить горделивое молчание.

Сесили. Конечно. Ничего другого не остается.

Входит Джек, за ним Алджернон. Они насвистывают мотив какой-то ужасающей арии из английской оперы.

Гвендолен. Горделивое молчание приводит к печальным результатам.

Сесили. Очень печальным.

Гвендолен. Но мы не можем заговорить первыми.

Сесили. Конечно, нет.

Гвендолен. Мистер Уординг, у меня к вам личный вопрос. Многое зависит от вашего ответа.

Сесили. Гвендолен, ваш здравый смысл меня просто восхищает. Мистер Монкриф, будьте добры ответить мне на следующий вопрос. Для чего вы пытались выдать себя за брата моего опекуна?

Алджернон. Чтобы иметь предлог познакомиться с вами.

Сесили (обращаясь к Гвендолен). Мне кажется, это удовлетворительное объяснение. Как по-вашему?

Гвендолен. Да, моя дорогая, если только ему можно верить.

Сесили. Я не верю. Но это не умаляет удивительного благородства его ответа.

Гвендолен. Это так. В важных вопросах главное не искренность, а стиль. Мистер Уординг, чем вы объясните вашу попытку выдумать себе брата? Не затем ли вы на это пошли, чтобы иметь предлог как можно чаще бывать в Лондоне и видеть меня?

Джек. Неужели вы можете сомневаться в этом, мисс Ферфакс?

Гвендолен. У меня на этот счет большие сомнения. Но я решила ими пренебречь. Сейчас не время для скептицизма в духе немецких философов. (Подходит к Сесили.) Их объяснения кажутся мне удовлетворительными, особенно объяснение мистера Уординга. Оно звучит правдиво.

Сесили. Мне более чем достаточно того, что сказал мистер Монкриф. Один его голос внушает мне абсолютное доверие.

Гвендолен. Так вы думаете - мы можем простить их?

Сесили. Да. То есть нет.

Гвендолен. Верно! Я совсем позабыла. На карту поставлен принцип, и нам нельзя уступать. Но кто из нас скажет им это? Обязанность не из приятных.

Сесили. А не можем ли мы сказать это вместе?

Гвендолен. Прекрасная идея! Я почти всегда говорю одновременно со своим собеседником. Только держите такт.

Сесили. Хорошо.

Гвендолен отбивает такт рукой.

Гвендолен и Сесили (говоря вместе). Неодолимым препятствием по-прежнему являются ваши имена. Так и знайте!

Джек и Алджернон (говоря вместе). Наши имена? И только-то? Но нас окрестят сегодня же.

Гвендолен (Джеку). И вы ради меня идете на такое испытание?

Джек. Иду!

Сесили (Алджернону.) Чтобы сделать мне приятное, вы согласны это перенести?

Алджернон. Согласен!

Гвендолен. Как глупы все разговоры о равенстве полов. Когда дело доходит до самопожертвования, мужчины неизмеримо выше нас.

Джек. Вот именно! (Пожимает руку Алджернону.)

Сесили. Да, порой они проявляют такое физическое мужество, о каком мы, женщины, и понятия не имеем.

Гвендолен (Джеку). Милый!

Алджернон (Сесили). Милая!

Все четверо обнимаются. Входит Мерримен. Поняв ситуацию, он вежливо покашливает.

Мерримен. Хм! Хм! Леди Брэкнелл.

Джек. Силы небесные!..

Входит леди Брэкнелл. Влюбленные испуганно отстраняются друг от друга. Мерримен уходит.

Леди Брэкнелл. Гвендолен! Что это значит?

Гвендолен. То, что я помолвлена с мистером Уордингом. Только и всего, мама.

Леди Брэкнелл. Поди сюда, сядь. Сядь сейчас же. Нерешительность - это признак душевного упадка у молодых и физического угасания у пожилых. (Повертываясь к Джеку.) Поставленная в известность о внезапном исчезновении моей дочери ее доверенной горничной, чье усердие я раз и навсегда обеспечила посредством небольшой денежной mzды, я тотчас же последовала за ней в товарном поезде. Ее бедный отец воображает, что она находится сейчас на несколько затянувшейся популярной лекции о влиянии, которое рента оказывает на развитие мысли. И это очень хорошо. Я не намерена разуверять его. Я стараюсь никогда не разуверять его ни в чем. Я бы считала это недостойным себя. Но вы, конечно, понимаете, что обязаны отныне прекратить всякие отношения с моей дочерью. И немедленно! В этом вопросе, как, впрочем, и во всех других я не пойду ни на какие уступки.

Джек. Я обручен с Гвендолен, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Ничего подобного, сэр. А что касается Алджернона... Алджернон!

Алджернон. Да, тетя Августа?

Леди Брэкнелл. Скажи мне, не в этом ли доме обитает твой больной друг мистер Бенбери?

Алджернон (запинаясь) Да нет. Бенбери живет не здесь. Сейчас Бенбери здесь нет. По правде говоря, Бенбери умер.

Леди Брэкнелл. Умер? А когда именно скончался мистер Бенбери? Судя по всему, он умер скоростижно.

Алджернон (беззаботно). О, Бенбери я сегодня убил. Я хочу сказать - бедняга Бенбери умер сегодня днем.

Леди Брэкнелл. А что было причиной его смерти?

Алджернон. Бенбери?.. Он.. он лопнул, взорвался...

Леди Брэкнелл. Взорвался? Может быть, он стал жертвой террористического акта? А я не предполагала, что мистер Бенбери интересуется социальными проблемами. Ну, а если так, поделом ему за такие нездоровые интересы.

Алджернон. Дорогая тетя Августа, я хочу сказать, что его вывели на чистую воду. То есть доктора установили, что жить он больше не может, вот Бенбери и умер.

Леди Брэкнелл. По-видимому, он придавал слишком большое значение диагнозу своих врачей. Но, во всяком случае, я рада, что он наконец-то избрал какую-то определенную линию поведения и до конца не был лишен медицинской помощи. Но теперь, когда мы наконец избавились от этого мистера Бенбери, могу я спросить, мистер Уординг, что это за молодая особа, которую сейчас держит за руку мой племянник Алджернон совершенно неподобающим, с моей точки зрения, образом.

Джек. Эта леди - мисс Сесили Кардью, моя воспитанница.

Леди Брэкнелл холодно кланяется Сесили.

Алджернон. Я помолвлен с Сесили, тетя Августа.

Леди Брэкнелл. Как ты сказал?

Сесили. Мистер Монкриф и я помолвлены, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл (вздвогнув, проходит к дивану и садится). Не знаю, может быть, воздух этой част Хартфоршира действует как-то особенно возбуждающе, но только число обручений, здесь заключенных, кажется мне много выше той нормы, которую предписывает нам статистическая наука. Я считаю, с моей стороны уместно будет задать несколько предварительных вопросов. Мистер Уординг, мисс Кардью тоже имеет отношение к одному из главных лондонских вокзалов? Мне нужны только факты. До вчерашнего дня я не предполагала, что есть фамилии или лица, происхождение которых ведет начало от конечной станции.

Джек (вне себя от ярости, но сдерживается, звонко и холодно). Мисс Кардью - внучка покойного мистера Томаса Кардью - Белгрэйв-сквер 149, Ю.-З.; Джервез-парк, Доркинг в Сэррее; и Спорран, Файфшир, Северная Англия.

Леди Брэкнелл. Это звучит внушительно. Три адреса всегда вызывают доверие к их обладателю, даже если это поставщик. Но где гарантия, что адреса не вымышлены?

Джек. Я нарочно сохранил "Придворный альманах" за те годы. Они доступны для вашего обозрения, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл (угрюмо). Мне попадались странные опечатки в этом издании.

Джек. Делами мисс Кардью занимается фирма Маркби, Маркби и Маркби.

Леди Брэкнелл. Маркби, Маркби и Маркби. Фирма, пользующаяся авторитетом в своем кругу. Мне даже говорили, что одного из господ Маркби иногда встречают на званых обедах. Ну что ж, пока это весьма удовлетворительно.

Джек (крайне раздраженно). Как это мило с вашей стороны, леди Брэкнелл. К вашему сведению, могу добавить, что я располагаю свидетельствами о рождении мисс Кардью и ее крещении, справками о кори, коклюше, прививке оспы, принятии причастия, а также о краснухе и желтухе.

Леди Брэкнелл. О, какая богатая приключениями жизнь, даже, может быть, слишком бурная для такой молодой особы. Я, со своей стороны, не одобряю преждевременной опытности. (Встает, смотрит на часы.) Гвендолен, время нашего отъезда приближается. Нам нельзя терять ни минуты. Хотя это всего-навсего проформа, мистер Уординг, но я должна еще осведомиться, не располагает ли мисс Кардью каким-либо состоянием.

Джек. Да. Около ста тридцати тысяч фунтов государственной ренты. Вот и все. Прощайте, леди Брэкнелл. Очень приятно было поговорить с вами.

Леди Брэкнелл (снова усаживается). Минуточку, минуточку, мистер Уординг. Сто тридцать тысяч! И в государственной ренте. Мисс Кардью при ближайшем рассмотрении представляется мне весьма привлекательной особой. В наше время немногие девушки обладают по-настоящему солидными качествами, долговечными и даже улучшающимися от времени. К сожалению, должна сказать, что мы живем в поверхностный век. (Обращаясь к Сесили.) Подойдите, милочка.

Сесили подходит.

Леди Брэкнелл. Бедное дитя, платье у вас такое простенькое и волосы почти такие же, какими их создала природа. Но это все поправимо. Опытная французская камеристка в очень короткий срок добьется удивительных результатов. Помню, я рекомендовала камеристку леди Лансинг-младшей, и через три месяца ее не узнавал собственный ее муж.

Джек. А через шесть месяцев ее уже никто не мог узнать.

Леди Брэкнелл (бросает грозный взгляд на Джека, а потом с заученной улыбкой обращается к Сесили). Пожалуйста, повернитесь, дитя мое.

Сесили поворачивается к ней спиной.

Леди Брэкнелл. Нет, нет, в профиль.

Сесили становится в профиль.

Леди Брэкнелл. Именно этого я и ожидала. В вашем профиле есть данные. С таким профилем можно иметь успех в обществе. Два наиболее уязвимых пункта нашего времени - это отсутствие принципов и отсутствие профиля. Подбородок чуть повыше, дорогая моя. Стиль в значительной степени зависит от того, как держать подбородок. Теперь его держат очень высоко, Алджернон!

Алджернон. Да, тетя Августа?

Леди Брэкнелл. С таким профилем мисс Кардью может рассчитывать на успех в обществе.

Алджернон. Сесили самая милая, дорогая, прелестная девушка во всем свете. И какое мне дело до ее успехов в обществе.

Леди Брэкнелл. Никогда не говори неуважительно об обществе, Алджернон. Так поступают только те, кому закрыт доступ в высший свет. (Обращается к Сесили.) Дитя мое, вы, конечно, знаете, что у Алджернона нет ничего, кроме долгов. Но я не сторонница браков по расчету. Когда я выходила за лорда Брэкнелла, у меня не было никакого приданого. Однако я и мысли не допускала, что это может послужить препятствием. Поэтому я думаю, что могу благословить ваш брак.

Алджернон. Благодарю вас, тетя Августа!

Леди Брэкнелл. Сесили, поцелуйте меня, дорогая.

Сесили (целует). Благодарю вас, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Можете впредь называть меня тетя Августа.

Сесили. Благодарю вас, тетя Августа.

Леди Брэкнелл. Свадьбу, я думаю, не стоит откладывать.

Алджернон. Благодарю вас, тетя Августа.

Сесили. Благодарю вас, тетя Августа.

Леди Брэкнелл. Я, по правде говоря, не одобряю длительных помолвок. Это дает возможность узнать характер другой стороны, что, по-моему, не рекомендуется.

Джек. Прошу прощения, что прерываю вас, леди Брэкнелл, но ни о какой помолвке в данном случае не может быть и речи. Я опекун мисс Кардью, и до совершеннолетия она не может выйти замуж без моего согласия. А дать такое согласие я решительно отказываюсь.

Леди Брэкнелл. По какой причине, смею вас спросить? Алджернон вполне подходящий, более того - завидный жених. У него нет ни гроша, а с виду он кажется миллионером. Чего же лучше?

Джек. Мне очень жаль, но приходится говорить в открытую, леди Брэкнелл. Дело в том, что я решительно не одобряю моральный облик вашего племянника. Я подозреваю, что он двуличен.

Алджернон и Сесили смотрят на него изумленно и негодуяюще.

Леди Брэкнелл. Двуличен? Мой племянник Алджернон? Немыслимо! Он учился в Оксфорде!

Джек. Боюсь, что в этом не может быть никакого сомнения. Сегодня, во время моей недолгой отлучки в Лондон по весьма важному для меня личному делу, он проник в мой дом, прикинувшись моим братом. Прикрываясь вымышленным именем, он выпил, как мне только что стало известно от дворецкого, целую бутылку моего "Перье-Жуэ-Брю" тысяча восемьсот восемьдесят девятого года; вино, которое я хранил специально для собственного пользования. Продолжая свою недостойную игру, он в один день покорила сердце моей единственной воспитанницы. Оставшись пить чай, он уничтожил все лепешки до единой. И поведение его тем более непростительно, что он все время прекрасно знал, что у меня нет брата, что у меня никогда не было брата и что я не имею ни малейшего желания обзаводиться каким бы то ни было братом. Я совершенно определенно сказал ему об этом еще вчера.

Леди Брэкнелл. Гм! Мистер Уординг, всесторонне обсудив этот вопрос, я решила оставить без всякого внимания обиды, нанесенные вам моим племянником.

Джек. Весьма великодушно с вашей стороны, леди Брэкнелл. Но мое решение неизменно. Я отказываюсь дать согласие.

Леди Брэкнелл (обращаясь к Сесили). Подойдите ко мне, милое дитя.

Сесили подходит.

Леди Брэкнелл. Сколько вам лет, дорогая?

Сесили. По правде сказать, мне только восемнадцать, но на вечерах я всегда говорю - двадцать.

Леди Брэкнелл. Вы совершенно правы, внося эту маленькую поправку. Женщина никогда не должна быть слишком точной в определении своего возраста. Это отзывает педантизмом... (Раздумчиво.) Восемнадцать, но двадцать на вечерах. Ну что ж, не так уж долго ждать совершеннолетия и полной свободы от опеки. Не думаю, чтобы согласие вашего опекуна имело бы такое значение.

Джек. Простите, я снова прерву вас, леди Брэкнелл. Но я считаю своим долгом сообщить вам, что по завещанию деда мисс Кардью, срок опеки над нею установлен до тридцатипятилетнего возраста.

Леди Брэкнелл. Ну, это не кажется мне серьезным препятствием. Тридцать пять - это возраст расцвета. Лондонское общество полно женщин самого знатного происхождения, которые по собственному желанию много лет кряду остаются тридцатипятилетними. Леди Дамблтон, например. Сколько мне известно, ей все еще тридцать пять с тех самых пор, как ей исполнилось сорок, а это было уже много лет назад. Я не вижу причин, почему бы нашей дорогой Сесили не быть еще более привлекательной в указанном вами возрасте. К тому времени ее состояние значительно увеличится.

Сесили. Алджи, вы можете ждать, пока мне исполнится тридцать пять лет?

Алджернон. Ну, конечно, могу, Сесили. Вы знаете, что могу.

Сесили. Да, я так и чувствовала, но я-то не смогу ждать. Я не люблю ждать кого-нибудь даже пять минут. Это меня всегда раздражает. Сама я не отличаюсь точностью, это правда, но в других люблю пунктуальность и ждать

- пусть даже нашей свадьбы - для меня невыносимо.

Алджернон. Так что же делать, Сесили?

Сесили. Не знаю, мистер Монкриф.

Леди Брэкнелл. Дорогой мистер Уординг, так как мисс Кардью положительно утверждает, что она не может ждать до тридцати пяти лет, - замечание, которое, должна сказать, свидетельствует о несколько нетерпеливом характере, - я просила бы вас пересмотреть ваше решение.

Джек. Но дорогая леди Брэкнелл, вопрос этот всецело зависит от вас. В ту самую минуту, как вы согласитесь на мой брак с Гвендолен, я с великой радостью разрешу вашему племяннику сочетаться браком с моей воспитанницей.

Леди Брэкнелл (вставая и горделиво выпрямляясь). Вы прекрасно знаете: то, что вы предложили, - немыслимо.

Джек. Тогда безбрачие - вот наш удел.

Леди Брэкнелл. Не такую судьбу мы готовили для Гвендолен. Алджернон, конечно, может решать за себя. (Достаёт часы). Идем, дорогая.

Гвендолен встает.

Леди Брэкнелл. Мы уже пропустили пять, а то и шесть поездов. Если мы пропустим еще один - это может вызвать нежелательные толки на станции.

Входит доктор Чезюбл.

Чезюбл. Все готово для обряда крещения.

Леди Брэкнелл. Крещения, сэр? Не преждевременно ли?

Чезюбл (со смущенным видом указывая на Джека и Алджернона). Оба эти джентльмена выразили желание немедленно подвергнуться крещению.

Леди Брэкнелл. В их возрасте? Это смехотворная и безбожная затея. Алджернон, я запрещаю тебе креститься. И слышать не хочу о таких авантюрах. Лорд Брэкнелл был весьма недоволен, если бы узнал, на что ты тратишь время и деньги.

Чезюбл. Значит ли это, что сегодня крещения не будет?

Джек. Судя по тому, как обернулись обстоятельства, досточтимый доктор, я не считаю, что это имело бы практическое значение.

Чезюбл. Меня весьма огорчает, что вы это говорите, мистер Уординг. Это отдает еретическими взглядами анабаптистов, взглядами, которые я полностью опроверг в четырех моих неопубликованных проповедях. Однако, так как вы сейчас, по-видимому, полностью погружены в заботы мира сего, я тотчас же возвращусь в церковь. Меня только что известили, что мисс Призм уже полтора часа дожидается меня в ризнице.

Леди Брэкнелл (вздрагивая). Мисс Призм? Вы, кажется, упомянули о мисс Призм?

Чезюбл. Да, леди Брэкнелл. Мне сейчас предстоит встреча с мисс Призм.

Леди Брэкнелл. Позвольте задержать вас на одну минуту. Этот вопрос может оказаться чрезвычайно важным для лорда Брэкнелла и для меня самой. Не является ли упомянутая вами мисс Призм женщиной отталкивающей наружности, но притом выдающей себя за воспитательницу.

Чезюбл (со сдержанным, негодованием). Это одна из самых воспитанных леди и само воплощение респектабельности.

Леди Брэкнелл. Ну, значит, это она и есть! Могу ли я осведомиться, какое положение занимает она в вашем доме?

Чезюбл (сурово). Я холост, сударыня.

Джек (вмешиваясь). Мисс Призм, леди Брэкнелл, вот уже три года является высокочтимой гувернанткой и высокоценимой компаньонкой мисс Кардью.

Леди Брэкнелл. Несмотря на все ваши отзывы, я должна с ней немедленно повидаться. Пошлите за ней!

Чезюбл (оглядываясь). Она идет; она уже близко.

Поспешно входит мисс Призм.

Мисс Призм. Мне сказали, что вы ждете меня в ризнице, дорогой каноник. Я ожидала вас там почти два часа. (Замечает леди Брэкнелл, которая пронизывает ее взглядом. Мисс Призм бледнеет и вздрагивает. Она боязливо озирается, словно готовясь к бегству.)

Леди Брэкнелл (жестоким прокурорским тоном). Призм!

Мисс Призм смиренно опускает голову.

Леди Брэкнелл. Сюда, Призм!

Мисс Призм, крадучись, приближается.

Леди Брэкнелл. Призм! Где ребенок?

Всеобщая растерянность. Доктор Чезюбл в ужасе отступает. Алджернон и Джек заслоняют Сесили и Гвендолен, подчеркнута стараясь оградить их слух от подробностей ужасающего разоблачения.

Леди Брэкнелл. Двадцать восемь лет назад, Призм, вы оставили дом лорда Брэкнелла, сто четыре по Гровенор-стрит, имея на попечении детскую коляску, содержащую младенца мужского пола. Вы не вернулись. Через несколько недель усилиями уголовной полиции коляска была обнаружена однажды ночью в уединенном уголке Бэйсуотера. В ней нашли рукопись трехтомного романа, до тошноты сентиментального.

Мисс Призм негодуяще вздрагивает.

Леди Брэкнелл. Но ребенка там не было!

Все смотрят на мисс Призм.

Леди Брэкнелл. Призм, где ребенок?

Пауза.

Мисс Призм. Леди Брэкнелл, я со стыдом признаю, что я не знаю. О! Если бы я знала! Вот как все это произошло. В то утро, навсегда запечатлевшееся в моей памяти, я, по обыкновению, собиралась вывезти дитя в коляске на прогулку. Со мной был довольно старый, объемистый саквояж, куда я намеревалась положить рукопись беллетристического произведения, сочиненного мною в редкие часы досуга. По непостижимой рассеянности, которую я до сих пор не могу себе простить, я положила рукопись в коляску, а ребенка в саквояж.

Джек (слушавший ее с большим вниманием). Но куда же вы дели саквояж?

Мисс Призм. Ах, не спрашивайте, мистер Уординг!

Джек. Мисс Призм, это для меня чрезвычайно важно. Я настаиваю, чтобы вы сказали, куда девался саквояж с ребенком.

Мисс Призм. Я оставила его в камере хранения одного из самых крупных вокзалов Лондона.

Джек. Какого вокзала?

Мисс Призм (в полном изнеможении). Виктория. Брайтонская платформа. (Падает в кресло.)

Джек. Я должен вас на минуту покинуть. Гвендолен, подождите меня.

Гвендолен. Если вы ненадолго, я готова ждать вас всю жизнь.

Джек убегает в крайнем волнении.

Чезюбл. Что все это может означать, как вы думаете, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Боюсь что-нибудь предположить, доктор Чезюбл. Едва ли надо говорить вам, что в аристократических семьях не допускают странных совпадений. Они считаются нереспектабельными.

Над головой у них слышен шум, словно кто-то передвигает сундуки. Все смотрят вверх.

Сесили. Дядя Джек необычайно взволнован.

Чезюбл. У вашего опекуна очень эмоциональная натура.

Леди Брэкнелл. Весьма неприятный шум. Как будто он там с кем-то дерется. Я ненавижу драки, независимо от повода. Они всегда вульгарны и нередко доказательны.

Чезюбл (глядя вверх). Вот, все прекратилось.

Шум раздается с новой силой.

Леди Брэкнелл. Хотела бы я, чтобы он пришел наконец к какому-нибудь выводу.

Гвендолен. Это ожидание ужасно. Я не хочу, чтобы оно кончалось.

Входит Джек. В руках у него черный кожаный саквояж.

Джек (подбегая к мисс Призм). Этот, мисс Призм? Поглядите получше, прежде чем ответить. От вашего ответа зависит судьба нескольких человек.

Мисс Призм (спокойно). Похоже, что мой. Да. Вот царапина, полученная при катастрофе с omnibusом на Гауэр-стрит в лучшие дни моей юности. А вот на подкладке пятно от лопнувшей бутылки безалкогольного напитка - это случилось со мной в Лимингтоне. А вот на замочке мои инициалы. Я и забыла, что из каких-то экстравагантных побуждений велела выгравировать их на замке. Да, саквояж действительно мой. Очень рада, что он так неожиданно нашелся. Мне все эти годы так его не хватало!

Джек (торжественно). Мисс Призм, нашелся не только саквояж. Я - младенец, которого вы в нем потеряли.

Мисс Призм (пораженная). Вы?

Джек (обнимая ее). Да... мама!

Мисс Призм (вырываясь и в полном негодовании). Мистер Уординг! Я девица!

Джек. Девица? Признаюсь, это для меня большой удар. Но в конце концов кто посмеет бросить камень в женщину, которая столько выстрадала? Неужели раскаяние не искупает минуты увлечения? Почему должен быть один закон для мужчин и другой для женщин? Мама, я прощаю тебя. (Снова пытается обнять ее.)

Мисс Призм (еще в большем негодовании). Мистер Уординг, здесь какое-то недоразумение. (Указывая на леди Брэкнелл). Ее сиятельство может сказать вам, кто вы такой на самом деле.

Джек (помолчав). Леди Брэкнелл! Простите, что докучаю вам, но скажите мне, кто я такой?

Леди Брэкнелл. Боюсь, эти сведения придутся вам не по вкусу. Вы сын моей покойной сестры, миссис Монкриф, и, следовательно, старший брат Алджернона.

Джек. Старший брат Алджи! Так, значит, у меня все-таки есть брат! Я так и знал, что у меня есть брат. Я всегда говорил, что у меня есть брат.

Сесили, как могла ты сомневаться, что у меня есть брат? (Хватает Алджернона за плечи.) Доктор Чезюбл, - мой беспутный братец. Мисс Призм, - мой беспутный братец. Гвендолен, - мой беспутный братец. Алджи, негодник, ты теперь обязан относиться ко мне с большим уважением. Ты никогда в жизни не относился ко мне как к старшему брату.

Алджернон. Да, каюсь, дружище. Я старался, но у меня не было практики. (Пожимает руку Джеку.)

Гвендолен (Джеку). Родной мой! Но кто же вы, если стали кем-то другим? Как вас теперь зовут?

Джек. Силы небесные!.. Про это я совсем забыл. Ваше решение относительно моего имени остается неизменным?

Гвендолен. Я неизменна во всем, кроме своих чувств.

Сесили. Какой у вас благородный характер, Гвендолен.

Джек. С этим вопросом надо покончить сейчас же. Минуточку, тетя Августа. К тому времени, как мисс Призм потеряла меня вместе со своим саквояжем, я, вероятно, был уже крещен?

Леди Брэкнелл. Все жизненные блага, которые можно приобрести за деньги, были вам предоставлены вашими любящими и заботливыми родителями, в том числе, конечно, и крещение.

Джек. Значит, я был крещен? Это ясно. Но какое же мне дали имя? Я готов к самому худшему.

Леди Брэкнелл. Как старший сын, вы, разумеется, получили имя отца.

Джек (сердится). Да, но как звали моего отца?

Леди Брэкнелл (задумчиво). Сейчас не могу припомнить, как звали вашего батюшку, генерала Монкрифа. Не сомневаюсь, однако, что его все же как-нибудь звали. Он был чудак, это правда. Но только в преклонных летах. И под влиянием индийского климата, женитьбы, несварения желудка и прочего в этом роде.

Джек. Алджи, ты-то можешь вспомнить, как звали нашего отца?

Алджернон. Дорогой мой, мне ни разу не пришлось беседовать с ним. Он умер, когда мне еще и году не было.

Джек. Его имя, должно быть, в армейских справочниках того времени. Не так ли, тетя Августа?

Леди Брэкнелл. Генерал был человеком весьма мирного характера во всем, кроме семейной жизни. Но я не сомневаюсь, что имя его значится в любом военном альманахе.

Джек. Армейские списки за последние сорок лет - это украшение моей библиотеки. Мне бы надо было без усталости штудировать эти воинские скрижали. (Бросается к книжным полкам и выхватывает одну книгу за другой). Значит, М... генералы... Магли, Максбом, Маллам, - какие ужасные фамилии - Маркби, Миксби, Моббз, Монкриф! Лейтенант - в тысяча восемьсот сороковом. Капитан, подполковник, полковник, генерал - в тысяча восемьсот шестьдесят девятом. Зовут - Эрнест-Джон. (Не торопясь ставит книгу на место, очень спокойно.) Я всегда говорил вам, Гвендолен, что меня зовут Эрнест, не так ли? Ну, я и на самом деле Эрнест. Как тому и следовало быть!

Леди Брэкнелл. Да, теперь я припоминаю, что генерала звали Эрнест. Я так и знала, что у меня есть особая причина не любить это имя.

Гвендолен. Эрнест! Мой Эрнест! Я с самого начала чувствовала, что у вас не может быть другого имени.

Джек. Гвендолен! Как это ужасно для человека - вдруг узнать, что всю свою жизнь он говорил правду, сущую правду. Вы прощаете мне этот грех?

Гвендолен. Прощаю. Потому что вы непременно изменитесь.

Джек. Милая!

Чезюбл (к мисс Призм). Летиция! (Обнимает ее.)

Мисс Призм (восторженно). Фредерик! Наконец-то!

Алджернон. Сесили! (Обнимает ее). Наконец-то!

Джек. Гвендолен! (Обнимает ее.) Наконец-то!

Леди Брэкнелл. Дорогой мой племянник, вы, кажется, проявляете признаки легкомыслия.

Джек. Что вы, тетя Августа, наоборот, впервые в жизни я понял, как важно Эрнесту быть серьезным!

Немая картина.

Занавес